

6940к

Ф. Н. САМОЙЛОВ

ВОСПОМИНАНИЯ

часть I

25 XU 46237

31/12/81 25

ЛИСТОВ СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

1502-2869

19/12/81 10MB

~~22/12~~ SK-874122

120555 мурел

GENERAL INSTRUCTIONS

TO THE OFFICERS AND MEN OF THE

ARMY OF THE UNITED STATES

IN THE FIELD

BY

THE SECRETARY OF WAR

WASHINGTON

1862

THE GOVERNMENT PRINTING OFFICE

2/2.10.01

6/1 - 10

14/8 86 4404

~~10/4 89 4987~~

24/03.02-3138

ИСПАРТ
КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
„Р.К.П.(БОЛЬШЕВИКОВ)“

Ф. Н. САМОЙЛОВ

ВОСПОМИНАНИЯ
ОБ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОМ
РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ 1903-5 г.г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ О.А.ВАРЕНЦОВОЙ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

к 6940
Иваново-Вознесенск
1903-5 г.г.

Государственное Издательство

Москва

ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

- К. Маркс и Ф. Энгельс. Коммунистический манифест. 8-е доп. изд. с введением и примечаниями Д. Рязанова. Стр. 343. Ц. 1 р. 50 к.
- То же. Карманное издание. Стр. 338. Ц. 1 р. 50 к. в папке.
- Г. Плеханов. Основные вопросы марксизма под редакцией и с примечаниями Д. Рязанова. Стр. 126. Ц. 35 к.
- Его же. Очерки по истории материализма под редакцией и с примечаниями Д. Рязанова. Стр. 228. Ц. 1 р. 50 к.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

- Богданов, А. Краткий курс экономической науки. Перер. и доп. изд. Ш. Дволайцким при участии автора. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 75 к.
- Его же. Начальный курс политической экономии в вопросах и ответах. Издан. 19-е, вновь исправл. и дополн. Ц. 75 к.
- Богданов, А. и Степанов, И. Курс политической экономии. Т. II. Вып. IV. Общая теория капитализма. Капиталистический строй. Ц. 1 р. 75 к.
- Вольфсон, М. Б. Элементарный курс политической экономии. Ц. 1 р.
- Гильфердинг, Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. Перев. с немецкого И. Степанова. Изд. новое, пересм. Ц. 1 р. 70 к.
- Ленин, Н. Новые данные о законах развития капитализма. Вып. I. Капитализм и земледелие в Соедин. Штатах Америки. Ц. 30 к.
- Его же. Экономическое содержание народничества и критика его в книге гр. Струве. Отражение марксизма в буржуазной литературе. Ц. 50 к.
- Его же. Империализм как новейший этап капитализма. Ц. 50 к.
- Его же. К характеристике экономического романтизма. Ц. 80 к.
- Любимов, Л. Азбука политической экономии. Ц. 75 к.
- Его же. Курс политической экономии. Т. I. Вып. I. Ц. 1 р. 50 к.
- Маркс, К. Заработная плата, цена и прибыль. Ц. 10 к.
- Его же. Капитал. Критика политической экономии. Издание подготовл. Ф. Энгельсом. Перевод под ред. В. Базарова и И. Степанова. Т. I. Кн. I. Процесс производства капитала. Ц. 4 р. в папке. Т. II. Кн. II. Процесс обращения капитала. Ц. 1 р. 75 к. Т. III. Кн. III. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ч. I и II (печатаются новым изданием).
- Мендельсон, А. Проблема стоимости в экономической литературе на русском языке. Библиографический обзор. Ц. 50 к.
- Рубин, И. И. Очерки по теории стоимости К. Маркса. Ц. 50 к.
- Сборник экономических статей. В. Мадютин, Е. Варга, Л. Крицман, Ю. Ларин, Г. Цыперович и Ф. Капелюш. Ц. 25 к.
- Святловский, В. Происхождение денег и денежных знаков. Ц. 1 р.
- Суханов, Н. Земельная рента и принципы земельного обложения. Ц. 20 к.
- Шефер, К. Классические случаи стабилизации валюты и их значение для стабилизации марки. С пред. Е. Варги. Под ред. Ш. Дволайцкого. Ц. 1 р.

И С Т П А Р Т
КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И Р. К. П. (БОЛЬШ.)

Ф. Н. САМОЙЛОВ

ВОСПОМИНАНИЯ
ОБ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОМ
РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ
1903-1905 г.г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
С ПРЕДИСЛОВИЕМ О. А. ВАРЕНЦОВОЙ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Воспоминания товарища Самойлова относятся к наиболее интересному периоду Иваново-Вознесенского рабочего движения, когда классовая борьба стала принимать широкий размах, чрезвычайную напряженность и своеобразные организованные формы, когда партийная работа начинает вырываться из тесных рамок подполья на широкий простор и сливается с массовым движением.

Биографические сведения, сообщаемые тов. Самойловым, типичны для иваново-вознесенских пролетариев той эпохи, которые вербовались из местных крестьян, порывавших связь с деревней, поступавших на фабрику и прочно оседавших в городе. Несмотря на крайне тяжелые условия фабричной жизни, редко такие переселенцы обратно возвращались в деревню. Верна и картина быта рабочих, изображенная автором. Гнетущий физический труд, отсутствие культурных условий жизни и умственных интересов действительно превращали рабочего в простой придаток к фабричной машине. Но в поисках партийной организации тов. Самойлову не повезло. Партийную организацию в Иваново-Вознесенске в то время не так уже трудно было найти: сознательные рабочие, входившие в ее состав или связанные с нею, были рассеяны по всем фабрикам и заводам и большой конспиративностью не отличались, так что рабочая масса знала «политиков», хотя в 1902—1903 г.г. иваново-вознесенская организация понесла очень большие потери в связи с провалом северного рабочего союза.

Товарищ Самойлов, как депутат и член партийной организации, принимал активное участие в летней забастовке 1905 г., продолжавшейся более двух месяцев и привлекшей внимание всей России своей организованностью. Его воспоминания отличаются живостью и непосредственностью; однако тов. Самойлов недостаточно полно освещает роль партийной организации в деле руководства забастовкой и оставляет в тени вопрос о происхождении первого в России Совета рабочих депутатов.

Партийная организация (большевиков) провела большую предварительную работу по подготовке забастовки. Вопрос о ней обсуждался

в течение полутора месяцев на целом ряде партийных собраний и был окончательно решен на собрании 11 мая, с участием наиболее популярных на фабриках беспартийных рабочих. На этом же собрании была окончательно выработана программа требований и намечен список уполномоченных. С первых же дней забастовки партийный центр стремился объединить экономическую и политическую борьбу, резко подчеркивая значение последней и противодействуя попыткам затушевать ее. В число требований был включен пункт о созыве Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права. 13 мая на многотысячном собрании на горедской площади выступал с яркой политической речью тов. Терентий (Морковкин) и другие ораторы. Все наиболее важные вопросы предварительно обсуждались партией, а потом ставились на обсуждение Совета рабочих депутатов, и, наконец, решения последнего получали санкцию общего собрания бастующих. Это были совершенно новые формы и методы борьбы.

Организация сумела использовать забастовку и в целях политического воспитания широких рабочих масс, регулярно, изо дня в день, устраивая на Талке многотысячные собрания, на которых произносились не только политические речи, но и читались лекции по социализму перед многотысячной аудиторией. Революционные лозунги, вызывавшие вначале смущение и недовольство в темных и отсталых слоях рабочих, возбуждали потом всеобщий энтузиазм.

За время стачки партийная организация создала крепкую, прочную связь с широкими массами. С этого момента, сливаясь с рабочим движением, партийная организация становится массовой организацией, насчитывающей тысячи членов, и даже отсталые рабочие, не входящие в ее состав, считают ее выразительницей своих интересов.

Тов. Самойлов слегка касается вопроса о возникновении и деятельности Совета рабочих депутатов. Этот вопрос требует разъяснения. В первый же день забастовки, 12 мая, вечером, многотысячная толпа рабочих направилась на Талку, и здесь, разбившись по фабрикам, рабочие произвели выборы своих уполномоченных, образовавших единое рабочее представительство, которое руководило забастовкой, ведя переговоры от имени всех бастующих рабочих с представителями хозяев и государственной власти. Фабричная инспекция не мешала выборам уполномоченных, охотно соглашалась на них, но, стремясь разрушить единство рабочего движения и разбить пролетарскую солидарность, настойчиво предлагала на первом же собрании Совета разделиться рабочим и упол-

помощью по своим фабрикам, с тем чтобы уполномоченные данного предприятия вели переговоры о своих нуждах только с владельцем этого предприятия. Но эта попытка разделить рабочих не удалась. Предложение фабричной инспекции было отвергнуто. Создался единый руководящий забастовкой орган—Совет рабочих депутатов, что совершенно не соответствовало планам и намерениям фабричной инспекции, изменившей с того момента свой мягко-примирительный тон на холодно-неприязненный.

С летней забастовкой в 1905 г. неразрывно связывается воспоминание иваново-вознесенских рабочих о тов. Е. Дунаеве, память о котором живет и долго будет жить среди иваново-вознесенских рабочих. Тов. Дунаев¹ прекрасно понимал психологию массы, улавливал всякие перемены в ее настроении и быстро ориентировался в обстановке массовой борьбы. Он умело поддерживал солидарность и дисциплину среди бастующих. Всегда во-время являлся там, где надо было устранить трения, уладить конфликты, поднять настроение, раскрыть своевременно замысел врагов. Не надо забывать, что рабочие, почти не получая пособия, жестоко голодали. Среди бастующих было не менее 50% женщин-работниц, составлявших наиболее темную, отсталую часть пролетариата. С ними нелегко было иметь дело. И никто не умел так просто подойти к работницам и так убедительно говорить с ними, как тов. Дунаев.

Переходя к описанию октябрьских событий 1905 г., тов. Самойлов правильно отмечает, что черносотенный погром захватил организацию врасплох. Только ее неподготовленностью и растерянностью объясняются небывало-чудовищные для пролетарского города размеры черносотенного нападения, в значительной мере связанного с летней забастовкой. Сплотив рабочих и обнаружив могучую силу пролетарской солидарности, она крайне обострила все классовые отношения и дала толчок к мобилизации темных сил. Последняя совершалась незаметно, с соблюдением правил конспирации, и не была предусмотрена партийными органами. Воспользовавшись неудачным исходом забастовки, все прислужники капитала повели агитацию, доказывая рабочим бесплодность борьбы, направляя отсталые элементы на рабочих депутатов и подготавливая почву для открытого нападения. Серьезность положения в октябрьские дни не была учтена организацией. Радостное настроение, вызванное манифестом 17 октября, усьмило зоркость и бдительность даже таких опытных и закаленных борцов, как тов. Афанасьев (Отец).

¹ Тов. Дунаев умер от тифа весной 1919 г. в Н.-Новгороде.

Чрезмерным оптимизмом членов организации объясняются ошибки, допущенные в эти черные дни. Ошибкой была попытка освободить заключенных в тот момент, когда толпа демонстрантов, утомленная за день, рассеялась и поредела. Еще рискованнее было так трагически закончившееся шествие на Талку и переговоры с черносотенцами. Здесь тов. Самойлов допускает маленькую неточность. Инициатива переговоров шла от патриотической манифестации: черносотенцы предложили демонстрантам прислать к ним парламентаров. И только тогда т.т. Афанасьев и Павел Павлыч переправились на другой берег, где их ожидала черносотенная манифестация, сопровождаемая отрядом казаков.

Черносотенные манифестации и толпы громил были ничтожны по своей численности, но они всегда сопровождались отрядами казаков и под их охраной производили погромы. Удары черносотенцев прежде всего были направлены против рабочих депутатов, вынужденных спасаться бегством. Из рабочих депутатов тов. Жиделев оставался в городе и открыто выступал на своей фабрике против черносотенцев. Партийная организация понесла тяжелые потери в лице тов. Афанасьева и только что прибывшей в Иваново-Вознесенск Генкиной. Жестоко был избит Павел Павлыч (Полов). Но руководящий партией центр уцелел: в городе оставались т.т. М. Фрунзе, А. Бубнов, Самохвалов, Уткин («Станко») и другие, успевшие в течение нескольких дней восстановить связи с фабриками и заводами. Следует отметить, что т.т. Фрунзе и Бубнов были арестованы 29 октября в лесу при возвращении с конспиративного партийного собрания представителей с фабрик.

Внезапность и стремительность черносотенного наступления вызвали уныние и смятение в рабочей массе, замешательство и задержку в партийной работе. Октябрьский погром, загнав партию снова в подполье, несомненно остановил ее рост. Только весной 1906 г. иваново-вознесенская организация, оправившись от черносотенных ударов, опять развернула свои силы и зажила напряженной политической жизнью.

Период за 1903—1905 г.г. Иваново-Вознесенского рабочего движения богат событиями, и исчерпать его, в особенности летнюю забастовку 1905 г., в небольшом очерке невозможно. Для этого необходима основательная работа. Воспоминания тов. Самойлова, может быть, побудят участников и руководителей ее взяться за эту работу.

О. Вареница.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Считаю необходимым предупредить читателей, что настоящая брошюра мною написана вдали от места событий, при полном отсутствии каких бы то ни было печатных материалов, исключительно по памяти (если не считать одной-двух кратких бесед со случайно встреченными товарищами, работавшими одновременно со мною в Иваново-Вознесенске). Ввиду этого, в данной работе несомненно есть пробелы, в виде пропусков отдельных, не сохранившихся в моей памяти, эпизодов, а также возможна не вполне строгая точность некоторых дат.

Ф. Самойлов.

1. Из моей биографии.

До тринадцати лет я жил в деревне. Отец, имея маленький крестьянский надел, не в силах был им одним содержать семью; поэтому по зимам работал в городе на ткацкой фабрике в качестве ткача. Такое положение полурбочего, полукрестьянина давало возможность кое-как содержать семью. Нас, детей, было трое. Когда мне, старшему, исполнилось тринадцать лет, отец решил поискать счастья в городе. Он распродал скотину (лошадь и корову), заколотил старую покрякивавшуюся избенку и, после сбора маленького урожая осенью, переехал с семьей в город. Там он вместе с матерью поступил на ткацкую фабрику, а через некоторое время нашел работу и для меня. Дома на квартире остались два моих меньших брата: мальчики десяти и пяти лет.

Сначала всем нам казалось, что в городе жить лучше, чем в деревне, хотя без коровы молока и не было; но зато по праздникам пекли белый хлеб. Несмотря на утомительную фабричную работу, жизнь городская в первое время казалась нам интереснее и привлекательнее. Но прошел год, и картина резко изменилась. Мы все страшно заскучали по деревне. Душный, пыльный и грязный промышленный город сильно надоел, а крайне низкий заработок не позволял сколько-нибудь нормально питаться, несмотря на то, что из пяти членов семьи работали трое. Ели хотя и досыта, но только хлеб, кислые пустые щи да постную гречневую кашу и больше ничего, а мясо видели только несколько раз в год, по самым большим праздникам.

Воспоминания о деревне начали занимать нас все чаще и чаще. Там мы жили, хотя и бедно, почти всегда нуждаясь в самом необходимом (обуви, одежде и пр.), но некоторую часть года там было свое молоко; а вместо узких, пыльных, грязных и вонючих городских улиц рабочих кварталов там был необъятный простор полей и лесов. Вместо грязной до крайности городской реки там была чистая большая река. Вместо городской пыли, духоты и зловония там был чистый, насыщенный ароматом полей и лесов, воздух. И, несмотря на тяжелую

материальную нужду, там чувствовалась большая свобода и независимость от разных владельцев средств и орудий производства. Там, нередко, приходилось быть должником деревенского кулака, но не надо было вставать по гудку, а ложась спать, тревожиться мыслью не опоздать на фабрику. В таком виде представлялась нам разница между городом и деревней после года жизни в городе, и деревня тянула обратно к себе — чем дальше, тем все сильнее.

Под влиянием тяжелых условий фабрики, отрицательные стороны деревни забывались, а положительные ярко вставали в памяти, и в умах созревало решение ехать обратно в деревню, несмотря на испытанные и там нужду и горе. Однако, прежде чем это решение созрело окончательно, прошло еще около полутора года. Только после того, как участь чистого пролетария, полностью и окончательно порвавшего с деревней, была испытана в изрядной мере, отец, наконец, прожив в городе неполных три года, вместе с матерью и двумя моими меньшими братьями уехали обратно в деревню; только я остался один в городе. Это было в 1898 году.

Тогда мне было шестнадцать лет, меня так же, как и отца, страшно тянуло в деревню. Во сне и наяву, как говорится, видел я родные поля и леса и деревенскую реку с прозрачной, как стекло, водой и с зеленым ковром покрывающих ее берега лугов. В мечтах мне часто грезилось колющаяся, усеянное голубыми васильками, широкое ржаное поле. Живо представлялось оно волнующимся от легкого ветерка. В такие минуты казалось, что я чувствую пряный запах цветущих трав на широком зеленом берегу реки. Как наяву, в моем воображении стояла деревня из двух десятков больших и малых, крытых соломой, изб, с огородами у речки; за полем хвойный лесок, а над ними бездонное, чистое голубое небо: как гигантское покрывало раскинулось оно без конца и края и неотразимо манило куда-то в бесконечную пучину своей лазури. Я грезил этой милой с детства картиной родной деревни и ничего тогда больше не хотел, как поселиться там вместе с остальной семьей.

Но я хорошо знал, что там, на маленьком клочке земли, и без меня не сможет отец прожить без заработка на стороне. И ему снова придется работать и в городе, и в деревне, чтобы иметь хотя некоторую возможность жить. И поэтому я должен был оставаться в городе. Но, оставшись в городе, я все же на все праздники уходил в деревню. Это было нелегко. До деревни около двадцати верст, и, за время праздничного перерыва в фабричной работе, приходилось сделать до деревни и обратно

около сорока верст. Несмотря, однако, на это, прогулки эти доставляли мне большое удовольствие. Я радовался уже тому, что хотя раз в неделю, хотя ценой большой усталости, все же мог несколько часов побыть среди дорогой с детства деревенской обстановки, подышать чистым воздухом, прогуляться в лесу и в поле, покупаться в чистой деревенской реке и выпить несколько стаканов свежего молока, которым каждый раз старалась напоить меня как можно больше моя добрая матушка, зная, что в городе, вследствие ничтожного заработка, молоко для меня совершенно недоступно.

На зиму отец, как и прежде, поступал на ткацкую фабрику. Остальная семья жила в деревне зимой и летом. Когда среднему брату, Петру, исполнилось пятнадцать лет, он тоже пришел в город и поступил на ту же фабрику. С этого момента мы с братом стали постоянно работать в городе, а отец фабрику бросил,—зиму и лето стал жить в деревне. Нашего с братом заработка не всегда хватало, чтобы отец мог вести свое маленькое хозяйство, но теперь мы все же кое-как перебивались.

Жизнь была нелегкая, и недостатки всяческие приходилось терпеть и теперь, иногда в самом необходимом; а мечта бросить фабрику и переселиться в деревню в голове продолжала жить. Ее несбыточность была для меня почти очевидна, но расстаться с нею сил не хватало, ибо нечем, казалось, без нее было бы жить. Никаких других надежд впереди не было. Жизнь чистого пролетария представлялась бесконечно трудной, безрадостной и беспросветной. Приходилось хвататься, как утопающему за соломинку, за несбыточную мечту переселиться в деревню. Так неумолимые законы капиталистического развития делали свое дело пролетаризации беднейшей части крестьянства, заставляя людей бросать насиженные места, вопреки самому страстному желанию удержаться на них во что бы то ни стало. Они гнали людей в промышленные города, на фабрики и заводы, и из маленьких хозяев-земледельцев делали наемными, не имеющими, кроме своих рабочих рук, никакой собственности. ставя их, таким образом, в правовом отношении в положение рабов, беспощадно эксплуатируемых. Они, насколько были в силах, сопротивлялись этому окончательному переходу на положение пролетариев, цепляясь всеми силами за свой веками поливавшийся кровавым потом дедов и прадедов клочок земли; но суровая действительность была неумолима.

Материальная нужда гнала деревенскую бедноту в города и создавала из нее кадры бездомных и бесправных рабов капитала, подгото-

вляя ту самую силу, которая должна была уничтожить власть всеильного капитала. Я тогда этого еще не сознавал и, будучи пролетарием, не понимал, что выход из беспросветной и материальной нужды и рабского бесправия заключался в единстве всего пролетариата и в его дружной организованной борьбе с хозяевами средств и орудий производства и со всеми теми, кто стоит на страже их интересов.

Понял я это только после того, как проработал на фабрике около пяти лет, когда в достаточной степени испытал тяжелую участь пролетария. Был я тогда малограмотным, а родители были совсем неграмотными. Школа была в приходском селе в семи верстах от деревни; ходить далеко, а часто было и не в чем: не было обуви или одежды. Поэтому я учился грамоте самоучкой. Дядя, брат моей матери, написал мне азбуку и показал буквы. Я их выучил; потом сам научился читать. Желание учиться было сильное; но руководить учением было некому, и я совершенно самостоятельно, без всякой посторонней помощи, очень быстро выучился недурно читать, но письмо у меня подвигалось туго. Без указаний грамотного человека учиться писать оказалось гораздо труднее, чем читать. Тем не менее, — хорошо или плохо, — а в конце концов я умел читать и писать.

Первым моим чтением в деревне были разные книги духовного содержания вроде евангелия, псалтири и т. д., которые мне доставали религиозные дядя и отец, потом я читал разные сказки вроде «Ильи Муромца», «Бовы Королевича» и т. п. Все эти книги я доставал у того же дяди. Серьезных и интересных книг я не видал вплоть до приезда в город. Но и по прибытии в город, уже работая на фабрике в течение нескольких лет, я читал все еще не то, что нужно было читать рабочему. А к чтению у меня охота была очень большая. Читал я много, но совершенно без системы, без всякого порядка и почти без разбора: читал все, что попадало в руки, так как в той среде, в которой я жил, не было ни одного более или менее интеллигентного или хотя бы хорошо грамотного человека, могущего дать необходимые указания в выборе книг.

Книги для чтения я брал в бесплатных библиотеках-читальнях, которых тогда в городе было несколько. Помню, мы ходили в эти библиотеки после окончания работы на фабрике компанией втроем или четвером: Семен Смирнов (впоследствии был эс-эром), Сергей Мухин (впоследствии был некоторое время членом с.-д. организации, но не активным) и некоторые др. Читал я во время обеденных перерывов на фабрике и по вечерам на квартире. На фабрике, во время обеденного

перерыва, я забирался в шликтовку, садился где-нибудь на окошке и, выпив, вместо обеда, стакана два-три чаю с черным хлебом, брал книгу и читал до возобновления работ.

Здесь в шликтовке никто не мешал, и чтение подвигалось быстро; но вечером, после окончания работы, на квартире с чтением дело обостояло хуже. В доме, в котором я квартировал, квартирантов было всегда человек около пятнадцати; помещались они все в одной средней величины комнате: мужчины и женщины, старые и молодые, холостые и женатые — спали на полу под ряд. Работали все на разных фабриках и в разных сменах, и, в то время как «денные», только что окончившие работы, приходили на квартиру, одна из смен, которой нужно было вставать на работу в три часа утра, уже ложилась спать; поэтому, чтобы не жечь много керосина, который хозяйка очень экономила, и не мешать спать другим, только что пришедшие с работ «денные», поужинав, тотчас же ложились спать. Выходило, что люди круглые сутки только работали, ели и спали, а больше не знали ничего, не чувствуя никаких духовных запросов и не отдавая себе ни малейшего отчета во всей нелепости и бессмыслице такой жизни.

Я не мирился с таким положением и, придя с работы, несмотря на усталость, тотчас же вместе с другими ложиться спать не хотел, а всегда брал книгу и зажигал свою, купленную на собственные деньги, свечку (хозяйка не давала своей лампы). Вкругом на полу храпят на все лады, а я читаю. И читал я до тех пор, пока не начинали слипаться глаза.

Этим моим вечерним чтением были недовольны сожители, которым свет мешал спать: они хотели, чтобы я бросил чтение и потушил огонь; но я решительно отстаивал свое право проводить вечер так, как сам желал, и право это за мной все время оставалось. Но однажды произошел очень неприятный случай. Дело было так. Чтобы хоть немного избавиться от нареканий, что моя свечка мешает спать, я разостлал себе постельку в одном из углов комнаты, поставив зажженную свечку в угол, взял книгу, лег под одеяло и, загородив собою от других свет, стал читать. Читая полулежа, я и не заметил, как заснул; а свечка в это время догорела, и загорелся деревянный угол комнаты. Но, должно быть, он был очень гнилой и сырой и поэтому, к счастью, разгорелся как следует не мог: поднялся-поднялся, да и сам потух.

Хозяйка проснулась от дыма, и когда заметила обгоревший угол, то огня там уже не было; было лишь обгоревшее бревно, издававшее сильный запах дыма.

После этого случая, несмотря на счастливый исход его, мне со свечей читать было категорически запрещено. Зато я добился права читать за столом с хозяйской лампой.

В такой обстановке я провел около пяти-шести лет. В то время как мои товарищи рабочие, жившие в одинаковых со мною условиях, в одной со мной квартире, вели жизнь выючных животных: только и знали, что спали, работали и ели, не зная никаких разумных развлечений, кроме грубых шуток, возни и иногда пьянства, — я имел перед ними такое преимущество, как страсть к чтению, которая часто заставляла меня забывать тяжелую действительность и уноситься мыслью в иной мир, в мир приключений, мир фантазии, мир всякого рода переживаний, совершенно неведомых остальным моим сожителям по квартире.

Я уносился мысленно в этот мир, вслед за героями романов, повестей и рассказов, которые читал; забывая во время чтения суровую обстановку своего подневольного положения, я все же часто задумывался о нем, ища из него выхода. Вначале я читал таких авторов, как Жюль-Вери, Майн-Рид, Купер и др., описывавших путешествия по разным странам земного шара с самыми удивительными приключениями. Они так сильно меня увлекали, развивая мою фантазию, что я их читал, как говорится, «запоём»; большую часть праздников я тоже проводил за чтением. Позднее я читал уже классиков: Пушкина, Лермонтова, Гоголя и др. В промежутке между ними читал всякие романы из приложений к «Ниве», «Родине» и др. журналам, а также и некоторые из научных книг, которые можно было достать в бесплатной библиотеке.

Все это читалось, как я уже говорил, как попало, без всякого порядка и разбора; в результате прочитанное, конечно, плохо запоминалось. Каких-либо цельных представлений по отдельным вопросам в голове оставалось мало; а была она, так сказать, полна всяких отрывочных мыслей, почерпнутых из самых разнообразных книг. Все это происходило потому, что в выборе книг я с самого начала был полностью предоставлен самому себе и читал, руководствуясь исключительно тем, что меня в данный момент интересовало и что попадало в руки. За пять-шесть лет, вплоть до моего первого знакомства с партийными товарищами, я прочел массу самых разнообразных книг, из которых не было ни одной, могущей разбудить мое классовое самосознание.

За все это время мне не удалось встретить не только ни одной какой-либо нелегальной, революционной книги, или брошюры, или хотя бы прокламации, но и тех из легальных писателей, которые могли тогда

так или иначе будить революционную мысль, как Некрасов и др., так как этих книг не было в бесплатной библиотеке. И вот, несмотря на мою «большую начитанность», как мне тогда представлялось, в смысле классовом я был почти таким же несознательным рабочим, как и те мои собратья, среди которых я жил, и которые были настолько темны и забиты, что смеялись надо мной, когда я им объяснял причины грома, молнии, дождя и др. явлений природы с научной точки зрения; они считали меня «зачитавшимся и сбившимся с пути человеком», хотя я, как и они, был религиозен, ходил в церковь, признавая и соблюдая все обряды культа, посты и т. д.

Так, несмотря на все мои старания добиться путем чтения чего-то хорошего, поднявшись над темной толпой себе подобных людей, в конечном итоге я почти ничего не достиг. Только с момента знакомства с партийными товарищами я, наконец, увидел тот свет, который осветил мне мое истинное положение подневольного раба капитала, при котором стал виден путь выхода из него. Я и раньше слышал не раз от товарищей рабочих, что есть какие-то люди, проповедующие учение, не признающее существования бога. Эти люди, согласно молве о них среди рабочей массы, призывали бороться против царя; но что они такое, почему не признавали бога и призывали свергнуть царя, — никто из тех, от которых приходилось мне слышать о них, не знал.

Однажды, помню, был в ткацком корпусе жандармами арестован рабочий-ткач. Жандармы пришли к его станку, обыскали его и увели. После этого собралась в коридоре толпа ткачей. Среди них кто-то говорил, что арестованный принадлежит к тем, которые не признают царя и бога; но чего хотят эти люди, никто из собравшихся объяснить не мог. У меня после этого случая усилилось любопытство, страшно захотелось узнать: что они такое, эти люди, и чего хотят. Но и на этот раз все мои попытки разрешить эти вопросы потерпели неудачу. Только один из товарищей сказал, что это — политики и занимаются они политикой; а какой политикой, он объяснить не мог.

2. Первое знакомство с партийными работниками.

Но вот, наконец, мне удалось познакомиться с одним из этих таинственных людей.

Это было так: зимой 1902 — 1903 г. на ткацкой фабрике «Компания», в отделении уборной конторы, работал со мной рабочий

Евтихий Арефьев. Видя, что я читаю книги из бесплатных библиотек, он не раз заводил со мною разговор о том, что мне нужно бы почитать другие книги, в которых говорится о том, чего в книгах из бесплатных библиотек узнать нельзя: «Поэтому эти книги из бесплатных библиотек для нас, рабочих, мало полезны. А в тех книгах, которые я советую тебе почитать, пишут о наших рабочих нуждах».

На мои вопросы: какие же эти другие книги и где их можно достать, — он ответил, что книги эти достать трудно; но если постараться, то все же достать можно; но что для этого нужно завязать знакомство с хорошими, «знающими» людьми. И он обещал мне в этом помочь, как только представится случай. Спустя некоторое время после этого разговора товарищ Арефьев пригласил меня к себе на квартиру, чтобы познакомить с его квартирантом, у которого можно получить для чтения хорошие книги. Придя к нему на квартиру, я встретил там среднего роста, лет 25, человека, который назвался товарищем Красильниковым. В беседе со мной тов. Красильников говорил о тяжелом положении рабочего класса, о необходимости его улучшения, и что добиться этого могут только сами рабочие, путем организованной, решительной борьбы всего рабочего класса против хозяев-капиталистов и всех, кто их защищает.

Дал он мне в этот раз книгу Писарева, которую я прочел с большим интересом. Потом я взял у него еще три-четыре книги того же автора и несколько других книг по различным вопросам. Из нелегальной литературы он дал мне «Песни революции», которые я быстро заучил наизусть. Так прошло месяца три, в течение которых тов. Красильников снабжал меня литературой и беседовал со мною на тему о борьбе рабочего класса за свое освобождение. Он рассказывал мне о том, как борются рабочие в других странах под руководством социал-демократических рабочих партий, которые являются передовыми отрядами в этой борьбе. Говорил, что русским рабочим тоже следует пойти этим путем, по примеру своих западных товарищей; но правительство наше не позволяет им открыто организоваться, и они организуются нелегально. Имея со мною знакомство в течение такого продолжительного времени, тов. Красильников ни с кем из других его товарищей знакомить меня не спешил. Однажды он внезапно, совершенно для меня неожиданно, уехал, и долгое время я о нем не имел никаких сведений. Потом тов. Арефьев сообщил мне, что он был где-то арестован. После этого я с ним больше никогда не встречался.

Тов. Арефьев так же, как и я, ни с кем из других партийных работников, кроме Красильникова, знаком не был, а Красильникова знал только как своего квартиранта и в организации не состоял; поэтому моя завязавшаяся было связь с партией через тов. Красильникова с его исчезновением была порвана; несмотря на все мои старания, восстановить ее мне не удавалось. Я спрашивал многих знакомых рабочих, которые, по моим предположениям, помогли бы мне в этом, не могут ли указать мне кого-либо из имеющих хорошие книги, чтобы можно было достать и прочесть их; но все было напрасно. Связь с партией мне удалось восстановить только спустя еще несколько месяцев, уже в мае или апреле 1903 года.

Однажды тов. Смирнов (Малков), с которым я был знаком по совместной работе на фабрике, сообщил, что вечером такого-то числа в лесу за речкой Талкой назначено собрание по вопросу о восстановлении с.-д. организации в Иваново-Вознесенске, и пригласил меня принять участие в этом собрании, предупредив, что туда приглашаются только самые надежные товарищи, и что это должно быть сохранено в полной тайне. Я, долгое время добивавшийся возможности восстановить так внезапно порвавшуюся связь с партией, с большим удовольствием принял это предложение и с нетерпением ждал дня собрания. И вот, когда вместе с товарищем Смирновым я пришел к назначенному времени в указанное место, там уже было несколько человек, совершенно незнакомых мне молодых людей. Вместе со мною и Малковым всего было около 8 человек. Один имел вид интеллигента из учащихся; остальные — рабочие.

Вскоре после нашего прибытия собрание было открыто, и товарищ с видом интеллигента в небольшой речи изложил цель собрания. Он между прочим говорил, что существуют две революционные партии, — социалистов-революционеров и социал-демократов, — и объяснил разницу между ними. Помню, говоря об с.-р., он между прочим сказал, что «хотя их тактика террора и неправильна, но что он все-таки им очень сочувствует, так как члены этой партии очень решительные и самоотверженные революционеры». Дальше он указывал на необходимость создания сильной с.-д. организации для руководства борьбой рабочих за улучшение их положения. Слушали его с напряженным вниманием, застав дыхание, чтобы не пропустить ни одного слова; больше в этот раз не говорил никто. После его речи было принято решение положить начало новой с.-д. организации в Иваново-Вознесенске, вместо разгромленной властями за несколько месяцев перед этим. Были выбраны:

библиотекарь, секретарь и кассир, и решено было начать кружковые занятия.

На этом собрании, положившем начало восстановлению с.-д. организации, как позднее выяснилось, присутствовали: т.т. Бутягин («Юрик») — интеллигент, Мулов («Шор»), Кукушкин («Гоголь»)¹, Смирнов (Малков), я и некоторые другие.

После собрания начались занятия в кружке, которые вели товарищи Юрик и другой тов. интеллигент (по кличке «Степан», фамилии его не помню), прибывший в наш город одновременно с Юриком. Собрания кружка в течение нескольких недель происходили по вечерам в лесу за станцией железной дороги. Когда кружок стал настолько большим, что, по конспиративным соображениям, стало неудобно собираться, то он был разделен на два. К этому времени в организацию вступил тов. Иванов («Инквизитор»)² и некоторые другие.

В кружках, руководимых т.т. Юриком и Степаном, преподавалась история революционного движения в России, начиная с декабристов, и политическая экономия. Посещались собрания кружков очень аккуратно. Занятия для всех участников их были настолько интересными, что ни у кого не возникало и мысли пропустить хотя одно собрание без уважительной причины; в особенности это относилось к первым месяцам существования организации. То, что я узнал в кружке в первое время занятий, для меня лично было открытием нового мира, о существовании которого до вступления в организацию я почти ничего не знал, несмотря на усиленное чтение в течение ряда лет. Что все это «самостоятельное» чтение было совершенно не то, которое нужно рабочему, я узнал только теперь, когда занятия в кружке и чтение книг из нашей партийной библиотеки осветили мне положение рабочего класса ярким светом с классовой точки зрения. С этого момента я совершенно забросил все мои книги из бесплатной библиотеки и отдался исключительно занятиям в кружке и чтению нашей партийной литературы. То же самое происходило и с огромным большинством товарищей. Все мы читали почти исключительно партийную литературу до тех пор, пока не была наша маленькая библиотека исчерпана полностью.

Помню, у меня тогда создалось такое отрицательное отношение ко всем легальным периодическим изданиям, что я их совершенно перестал брать в руки. Каждое напечатанное в них слово казалось мне самой

¹ Кукушкин («Гоголь») впоследствии оказался провокатором.

² «Инквизитор» впоследствии перешел к меньшевикам.

возмутительной ложью; а верил я только тому, что печаталось в нашей «Искре» и других партийных изданиях, которые попадали в организацию.

Собрания кружка по воскресениям и другим праздничным дням мы часто устраивали также у линии ж. д., немного в стороне от множества гуляющей публики, — а иногда и прямо у всех на виду, маскируя занятия картами и несколькими бутылками пива.

Литература, имевшаяся в библиотеке организации, состояла из двух главных частей: легальной и нелегальной. Хранились обе эти части каждая отдельно, в ведении отдельных товарищей-библиотекарей. Из легальных книг и брошюр, помню, были в ходу следующие: Шпильгаген — «Один в поле не воин»; Фаресов — «Десять месяцев в одиночном заключении»; Француз — «Борьба за право» (большой роман); Швейцер — «Эмма» (большой политический роман); Эмиль Золя — «Углекислоты», «Труд» и другие; Короленко — «Оби Макара» и др.; некоторые вещи Скитальца, Максима Горького и многих других авторов. «Политическая экономия» Железнова, «История французской революции» Минье и друг.

Из нелегальных книг и брошюр в ходу были следующие: «За веру, царя и отечество» (автора не помню), Либкнехта — «Пауки и мухи», Дикштейна — «Кто чем живет»; «Хитрая механика» (автора не помню); «К деревенской бедноте» Ленина и многие др.

За летние месяцы организация выросла довольно значительно; почти на всех фабриках и заводах города были уже ее представители, через которых она была связана с остальной рабочей массой.

Организация была построена приблизительно по следующей структуре: город разделен на несколько районов; во главе организации стояла группа Северного Комитета Р. С.-Д. Р. П. Назначаемые им и подчиненные ему непосредственно районные организаторы ведали районами. Кроме того, были фабричные и заводские организаторы, которые, в свою очередь, избирались заводскими ячейками. Собрание районных организаторов выделяло из своей среды представителя в городской центр группы Северного Комитета, через который последний и был связан с периферией.

Финансы организации составлялись из членских взносов. Каждый член обязан был вносить 2% с рубля заработка в кассу организации; а из всей поступающей в кассу суммы отчислялось, кажется, 10% в кассу Северного Комитета. Взносы в кассу поступали аккуратно.

Сознание, что без средств организация существовать не может, было глубоко; поэтому в кассе деньги имелись не только для текущих организационных расходов, но и на содержание одного или двух профессионалов. Техника выпуска листовок долгое время была только в виде гектографа; поэтому она удовлетворять спрос на листовки могла лишь в очень незначительной степени. Учитывая это обстоятельство, Северный Комитет снабжал нас, как мог, листовками, газетой «Искра» и другой нелегальной литературой.

К концу лета 1903 года занятия происходили уже в нескольких кружках. Руководителями в них были в это время некоторые новые члены организации, как В. Иванов и др. Происходило это не потому, что эти новые члены были настолько уже подготовлены к руководству кружковой пропагандой, а, главным образом, потому, что организация выросла и продолжала дальше расти, а новых интеллигентских сил, кроме упомянутых уже Юрика и Степана, не было, а последние были очень перегружены работой.

В начале сентября товарищи Юрик и Степан были куда-то отозваны из Иваново-Вознесенска высшими партийными органами. Перед их отъездом было созвано первое общее собрание всех организованных в лесу, за станцией железной дороги, близ речки Талки. На этом собрании присутствовало около ста человек. Для меня это было первое многочисленное собрание близких по духу и объединенных единым стремлением людей. Оно очень хорошо сохранилось в памяти. Оно сильно подняло настроение всех организованных, укрепило веру в успех дела и влило в нас новые силы, бодрость и энергию.

При виде большой массы людей, крепко спаянных одним могучим желанием бороться до конца за достижение великой цели освобождения рабочего класса и готовых отдать все свои силы этой борьбе, мне ясно представлялось, что мы, рабочие, действительно та сила, которая должна и может, освободившись сама от цепей капитализма, освободить от него и всех угнетенных и поработанных. В уме расцветала яркая мечта о близком наступлении этого момента освобождения; а глядя на бодрые, жизнерадостные лица товарищей, было видно, что и они были так же настроены и поглощены теми же переживаниями.

Т.т. Юрик и Степан сказали небольшие речи, в которых, между прочим, говорили, что «дело освобождения рабочего класса есть дело самого рабочего класса», что поэтому вы, мол, товарищи, не должны смущаться тем, что мы временно вас покидаем, а нужно браться за работу

самим, не надеясь ни на кого постороннего, — только тогда дело наше будет стоять на верном пути и т. д.

Было немного грустно расставаться с уезжающими товарищами, с которыми так близко сошлись и сжились за летние месяцы и без которых, как без руководителей, немного жутковато было оставаться, — браться самим за руководство организацией; но все же, попрощавшись с уезжающими, собрание разошлось в бодром, приподнятом настроении, с твердою решимостью неуклонно продолжать работу по дальнейшему расширению и укреплению организации.

Т.т. Юрик и Степан как руководители организации сыграли очень крупную роль в ней. Они были в полном смысле слова ее душой; в особенности это относится к первым месяцам ее существования. Своею преданностью делу, неутомимостью в работе и теплым товарищеским отношением ко всем членам организации они завоевали себе большой авторитет и самое искреннее товарищеское уважение и популярность среди всей организации.

После их отъезда работа продолжалась. Кружки собирались; занятия в них велись в виде чтения разных легальных и нелегальных книг и брошюр. В это время получалась от времени до времени в порядочном количестве нелегальная литература. Помню, однажды, с нашей конспиративной квартиры мне пришлось нести очень большое количество только что полученной нелегальной литературы на другую нашу конспиративную квартиру; на так называемую «штаб-квартиру», в которой жили Голубев (Красный), Мухины — мать с сыном, я и брат.

Эта вторая квартира находилась в противоположной части города. Очень тяжелую корзину с нелегальщиной пришлось тащить через центр города. Приходилось останавливаться для отдыха несколько раз прямо на виду у постовых городских, под самым их носом, рискуя быть задержанным; но выхода не было. Корзина была настолько тяжела, что без этих остановок донести ее было невозможно. Помню, в ней была полученная в большом количестве экземпляров брошюра «О мощах Серафима Саровского». Эти мощи в том году ездил открывать Николай II, и об этом «событии» тогда много писалось во всей буржуазной периодической печати. Брошюра разъясняла сущность всех мощей вообще и Серафима в частности — и имела большой спрос.

Кроме этой брошюры в тот раз получена была другая литература. Знаю, что в это время получалась газета «Искра», которая читалась с таким интересом, что зачитывалась до того, пока не изнашивалась

совершенно бумага, и становилось не видно текста. Получались также в это время разные листовки.

Поздно осенью, когда стало невозможно собираться в лесу, кружки собирались по квартирам. Один из них собирался в нашей «штаб-квартире». В этом кружке было несколько товарищей, из которых помню Степана, Смирнова, Василия (фамил. забыл), слесаря В. Морозова и др.

Занятиями руководил я, читая вслух; после прочтения главы или части книги задавались вопросы и происходил обмен мнений по поводу прочитанного. Время проходило довольно интересно. Участники кружка к занятиям относились очень внимательно; все, кажущееся неясным, в обмене мнениями выяснялось полностью. Так шло наше политическое самообразование, которым мы тогда занимались, сознавая всю его важность для судеб революции.

В это время из многих промышленных городов и местечек России приходили известия об открытых противоправительственных демонстрациях рабочих и учащихся, в виде многолюдных шествий с красными знаменами по улицам. Мы, ивановцы, тоже мечтали об устройстве демонстрации и много говорили об этом. Тов. В. Морозов был очень сильный, полный и крепкий, хотя роста был среднего, но настоящий богатырь. Он говорил: «Если мы устроим демонстрацию, то знамя непременно понесу я, потому что я всех вас посильнее; и если казаки врежутся в толпу и попробуют отнять знамя, то меня сомнут не скоро, — я уж им живой в руки не дамся». Но эти наши мечты не осуществились до лета 1905 г.

В конце осени или начале зимы 1903 года в Иваново-Вознесенске жандармами были произведены аресты. Из членов нашей организации, помню, были тогда арестованы: В. Иванов («Инквизитор»), В. Малков (Смирнов), А. Полянин («Преподобный»), Клюквин, П. Козлов и другие. А также были арестованы в этот раз и только что снова приехавшие в город товарищи Юрий (Бутягин) и Степан. При обысках у арестованных, кажется, ничего важного жандармами найдено не было, и все они (за исключением Юрика и Степана, которых куда-то выслали), просидев небольшой срок, были освобождены без особых последствий.

В это время организацией получались в порядочном количестве листовки. Тотчас по получении они распределялись по районам и распространялись и распределялись среди рабочих на фабриках и заводах и в рабочих кварталах. На фабриках и заводах они обыкновенно разбирались и расклеивались в местах наибольшего скопления рабочих:

в курилках, коридорах во время смен, раскладывались по початочным ящикам, имеющимся у каждой пары ткацких станков. В рабочих кварталах листовки распространялись поздно вечером или же ночью. Делалось это так: квартал делится между несколькими товарищами; каждый берет себе одну или две улицы и в назначенное время, с пачками листовок, отправляется в свой участок. Ворота домов в это время бывают уже везде заперты, и листовки поэтому бросаются по несколько штук через забор.

В этом деле мне лично приходилось неоднократно участвовать. Кроме дворов, листовки бросались всюду, где возможно было положить в расчете на то, что листовка будет прочитана теми, кому она адресована. Так, между прочим листовки клались в ящики, имевшиеся у каждого уличного колодца, в которые разные благотворители опускали подавание. Когда утром рабочие приходили с ведрами за водой, то забирали с собой и листовки.

На фабриках и заводах в дни распространения листовок часто в курилку приходил квартальщик или другое лицо из фабричной администрации, когда им доносили разные их прислужники о расклеенных прокламациях, и срывал листовку со стены; но через короткое время она на стенке появлялась снова; поэтому у фабрично-заводской администрации и всяких шпиков и провокаторов в эти дни было очень много беготни и хлопот. Несмотря на все их старания, распространителей листовок задерживать удавалось сравнительно редко, так как рабочие всегда старались предупредить об опасности; поэтому и виновным почти всегда удавалось во-время благополучно ускользнуть от бдительного ока всяких «блестителей порядка».

В рабочих кварталах задержать распространителей листовок охранникам было еще труднее. Когда случалось, что ночной сторож или постовой городской замечали распространителя, то, пока они давали свисток и производили всеобщую тревогу, последнему в большинстве случаев удавалось скрыться. На другой день после распространения прокламаций, вся полиция и охранка поднимались на ноги: начинались обыски, аресты, допросы и т. п. А на фабриках и в рабочих кварталах создавалось повышенное настроение; происходили споры между молодежью и стариками, часто не сходящимися в мнениях по поводу содержания листовок. Старики — а в особенности лица, материально несколько лучше обеспеченные, чем подавляющее большинство рабочей массы, как подмастерья, граверы, раклисты и пр., в своем большинстве

будучи почти всегда консервативны — к листовкам относились отрицательно. Широкая же масса рабочих, инстинктом чувствовавшая правильность содержания листовок, относилась к ним сочувственно, и только уже особенно забитая, темная и невежественная ее часть, главным образом, из стариков и новичков, еще недавно прибывших из деревень и не потерявших еще связи с землей, также высказывала недовольство по поводу распространения листовок и всячески ругала, вместе с фабрично-заводской администрацией, «безбожников - политиканов», восстающих против самим богом установленного порядка.

Помню одного старика, несколько лет работавшего со мною в одном отделении на ткацкой фабрике. Это был редкий тип консерватора-рабочего. Я работал с ним об руку, по-соседству; поэтому у нас очень часто происходили споры. Он был грамотный, очень религиозный и убежденный монархист. Почитывал газеты и мог рассуждать о политике. О Франции он говорил, например, что вот там республика, а не монархия, поэтому там все время и нет никакого порядка и происходят возмущения, устраиваемые различными анархистами и социалистами. А рабочие часто устраивают забастовки, останавливая подчас всяческое движение и всю промышленную жизнь страны, — и никто не смеет их пальцем тронуть, потому что республика, мол, есть всеобщее равенство и братство: всякий делает все, что ему захочется. А правительства — разные кабинеты министров — постоянно сменяют друг друга, и власти твердой и постоянной никогда не бывает. А вот у нас в православной матушке-России этих безобразий нет, никакие социалисты и анархисты порядка нарушить не могут, потому что у нас не республика, а настоящая власть, которая нарушать порядок никому не позволяет. Вот поэтому всякие забастовщики и политиканы у нас и недовольны правительством и стараются всеми силами произвести всяческие возмущения в народе, чтобы поднять его на восстание против правительства для установления республики, и т. д. и т. п.

Когда же я ему задавал вопросы, например: хорошо ли ты живешь; достаточно ли ты и твоя семья сыты и одеты; получаешь ли ты достаточную медицинскую помощь, когда бывает в этом нужда; имеешь ли возможность дать образование детям, чтобы они не были дикарями, а могли бы жить в условиях, достойных людей, а не рабочей скотины; обеспечена ли твоя семья, если она лишится тебя, своего единственного работника и кормильца, — он улыбался, пожимал плечами и говорил: «Я ведь не капиталист какой-нибудь, чтобы жить в свое удо-

вольствие, ни в чем не нуждаться; у нас, рабочих, уже такое положение, чтобы век жить в нужде и испытывать всяческие недостатки». «Так на какой же чорт тебе наш порядок-то нужен, — говорил тогда я, — когда при нем у тебя нет ничего? Всю жизнь работаешь, с раннего детства до глубокой старости, с раннего утра до поздней ночи и век живешь в нужде, как ты сам говоришь, и считаешь, что это хорошо, что изменять этого не надо! Что же тебе надо?»

Спор иногда затягивался надолго и собирал вокруг нас большую толпу слушателей; собравшиеся мне одобрительно поддакивали, а над стариком подшучивали. «Ему мало двенадцати часов рабочего дня, а подавай шестнадцати-семнадцатичасовой, а то наши хозяева могут совсем обнищать», — говорил один. «Что там шестнадцатичасовой, пускай работает на здоровье все 24 часа; ему хозяин за это на том свете выхлопочет царствие небесное», — говорил другой. Но на старика ничто не действовало, ни мои доводы, ни насмешки окружающих. Он был тверд и непоколебим в упорном отстаивании своих взглядов. О нашем требовании восьмичасового рабочего дня он говорил, что «это нам не нужно, оно внесет в нашу среду только один разврат: и теперь все свободное время рабочие проводят у кабаков да за игрой в карты, а когда его будет больше, то народ совсем испортится, и мы от этого только проиграем». В спор иногда вмешивался нетерпеливый молодой рабочий я, возмущенный такими отсталыми взглядами старика, называл его шпиком. Старик очень обижался на это.

Было очевидно, что шпиком он быть не мог, а был только несчастный, сбитый с толку разными нашими воспитателями того времени, попами и т. д., с детских лет вбивавшими в головы трудящихся рабские правила морали, воспитывая из них рабов в интересах господствующих классов.

Этот старик рабочий-монархист был, конечно, не одинок. В рабочей среде были и другие, подобные ему, и в этом отделении также было несколько человек; но те были уже настолько темны, забиты и невежественны, что защищать в спорах свои взгляды были совершенно не в состоянии.

О мастерах, подмастерьях, табельщиках и прочих лицах, принадлежащих к группе наиболее обеспеченных, говорить не приходится. Их отрицательное отношение ко всему, что нарушало установившееся течение жизни, объяснялось их привилегированным положением. Они были достаточно сыты и имели больше всяких прав. Многие из них открыто

езде и всюду всячески поносили «забастовщиков», распространяя о них самые возмутительные сплетни и клевету вплоть до того, что они, мол, хотят-восстановить крепостное право. И с ними было всегда рискованно вступать в споры и пререкания. Всякого, кто пытался возражать им, они причисляли к разряду «забастовщиков». И о таком немедленно делался, куда следует, донос; а в результате—увольнение с фабрики или даже арест. Это были так называемые «языки», которых, несмотря на всю ненависть к ним за их ябедничество, забитая рабочая масса сильно боялась. Но бывали случаи, что тот или иной рабочий, доведенный до крайнего озлобления, забывал всякий страх быть уволенным или арестованным, подстерегал злодея и жестоко с ним расправлялся. А бывали такие расправы и на самом месте исполнения «языком» своих обязанностей, где-нибудь в конторе или в фабричном корпусе.

Одним из очень важных средств агитации было устройство «массовок». Использовывалось оно тогда довольно сильно. Весною и летом 1904 года в свободные от работы дни (воскресенье и другие праздники) почти всегда устраивались «массовки». На некоторые из них приглашались, кроме членов организации, и просто сочувствующие надежные рабочие. Такие массовки были иногда очень многолюдны. Устраивались они так: дня за два до праздника руководящий центр организации назначал время и место массовки, устанавливал «пароль». Об этом передавалось районным организаторам; те передавали фабричным организаторам, а последние извещали об этом членов фабрично-заводских ячеек. За несколько часов до назначенного времени, в день массовки, по пути к месту собрания в разных направлениях расставлялись патрули. По сообщениям конспирации публика начинала собираться за несколько часов, постепенно и небольшими группами. Патруль только тогда объявлял, как пройти на место, когда ему задавался установленный вопрос-пароль. Когда вся публика собиралась, и собрание открывалось, патрули оставались на своих местах, наблюдая окрестности, и о всяких тревожных признаках немедленно доносили одному из руководителей массовки, а тот сейчас же осторожно сообщал собранию, — и собрание после этого переходило на другое место; или же если опасность нападения казаков была близка, то массовка распускалась. Случалось, что казаки появлялись настолько внезапно, что патруль предупредить собрание на словах не успевал. Тогда он давал об этом знать выстрелом (патрули всегда имели револьверы); это обозначало, что опасность очень близка, и публика быстро, как только могла, расходилась.

На массовках в это время выступали главным образом партийные профессионалы-интеллигенты и лишь изредка некоторые из старых рабочих. Настроение на массовках бывало всегда повышено-воинственное. Многие имели при себе оружие, — если не револьвер, то кинжал или финский нож. Но в случаях нападения казаков оружие в ход почти никогда не пускалось; только в моменты особой неожиданности нападения, когда защищаться от ударов нагайки являлось вынужденной необходимостью, тогда пускались в ход все средства самозащиты, какие только оказывались под руками.

После массовки на другой день уже было известно всегда о ней в городе и на фабриках. Шли об этом среди рабочих и фабричной администрации оживленные разговоры. Полиция обыкновенно узнавала о массовке только из этих разговоров, а ее агенты всеми силами старались собрать сведения о том, что было на массовке, что там говорилось и т. д.

Помню одну массовку, окончившуюся большим столкновением с казаками, в результате чего было несколько человек избито и арестовано. Произошло это так: летом 1904 года была устроена массовка в лесу за мельницей Сластихой. Это была многолюдная массовка. На ней присутствовало несколько сот человек; подготовлена она была удачно. Конспирация была соблюдена полная. В назначенное время и место публика начала стекаться в большом количестве. Приближался уже момент открытия собрания, как вдруг со стороны мельницы раздались крики, призывающие на помощь. Услыхав их, собравшиеся большой толпой быстро двинулись из леса к мельнице и там увидели следующее: несколько человек огородников — кажется, владелец мельницы и какие-то плотники или землекопы, производившие ремонтные работы на мельнице, словом, целая толпа — напали на двоих или троих шедших на собрание товарищей и избивали их. Прибежавшие из леса кинулись на выручку избиваемых, и произошла очень большая потасовка. В результате нападавшие были обращены в беспорядочное бегство, кто куда, а некоторым, не успевшим убежать, кроме всего остального пришлось принять холодную ванну, будучи сброшенными в реку.

Казалось, дело было ликвидировано; участники массовки вернулись в лес и уже собирались открыть собрание. Но в этот момент приехал отряд казаков и, ринувшись с гиканьем на собравшихся, пустил в ход нагайки. Застигнутые врасплох этим неожиданным налетом царских слуг, участники собрания стали защищаться, кто чем мог: палками, поленьями, хвостом. В результате казаки были обращены в бегство.

Но через короткое время они вернулись в гораздо большем количестве, атаковали со всех сторон собравшихся и всех, неуспевших скрыться, сильно избили, а многих арестовали и увели в город. Арестованы тогда были, кажется, товарищи В. Иванов, К. Кирякина (Мишка), В. Голубев (Красный), С. Икрянистов (Тезка), Р. Семенчиков и ряд других.

Впоследствии оказалось, что причиной нападения огородников было то, что один из шедших на массовку товарищей, В. Голубев (Красный), затеял спор с огородниками, а те пустили в ход кулаки. Он стал звать на помощь, и в результате произошла вся эта история.

По этому делу я вместе с братом Петром вызывался на допрос жандармским ротмистром Тимофеевым. Это был первый допрос, которому я подвергся. Нас впустили в небольшую мрачную комнатку в полуподвальном помещении, в котором помещалось тогда жандармское управление, на Базарной площади, в доме Глебова. Жандарм сказал с ядовито-вежливой улыбкой: «Пожалуйста, подождите здесь, пока вас не вызовут». Оставшись одни, мы стали ждать. Время шло, а нас не вызывали.

Осмотрев комнату и убедившись, что стены ее достаточно толсты, мы стали обмениваться мнениями, как вести себя на допросе. Я, как старший (брат моложе меня на два года), поучал его, что нужно на все вопросы отвечать отрицательно. Мы успели уже обо всем переговорить самым подробным образом, а нас все еще не вызывали. Нам стало надоедать это ожидание и эта мрачная комната, когда, наконец, явился тот же жандарм и пригласил меня в кабинет «господина ротмистра».

За большим письменным столом сидел ротмистр Тимофеев, а с правой стороны—товарищ прокурора. Ротмистр предложил мне сесть, указав на стул против себя. Когда я сел, он предупредил меня, что все, что буду говорить, отвечая на его вопросы, должно быть безусловно верно, и ничего такого, что не отвечало бы действительности, я говорить не должен; словом, я должен говорить только одну правду, так как, во-первых, все сказанное должен буду подтвердить на суде под присягой, а, во-вторых, за ложное показание могу быть привлечен к судебной ответственности.

После такого вступления ротмистр приступил к допросу. Он спрашивал, давно ли я знаком с Голубевым, где и как познакомился, что за человек Голубев, о чем он говорил с нами в свободное от работы время, не говорил ли он о том, что рабочим живется плохо и что они должны вести борьбу за улучшение своего положения, не приносил ли на квартиру прокламаций и нелегальных книг и брошюр. На все эти вопросы

я старался отвечать ничего не значащими фразами, например, познакомился я с Голубевым во время работы на фабрике в одном отделении. Человек он обыкновенный, как все; ничего особенного собою не представляет; в свободное от работы время разговоры у нас происходили на разные темы. Говорил ли Голубев о тяжелом положении рабочих и необходимости бороться за улучшение этого положения, я припомнить не могу, так как дневников о нашей беседе не вел; а о прокламациях я ничего не слышал и не знаю, что это за штука; нелегальных книг и брошюр так же не видал.

После этого ротмистр начал мне объяснять, что такое прокламация: это, мол, такой листок, в котором говорится именно вот о тяжелом положении рабочих и указывается, кто виноват в этом и как рабочие должны вести борьбу за улучшение своего положения. Но все было напрасно: я упорно говорил, что ничего не знаю, никаких листовок не видал и в первый раз о них слышу. После этого ротмистр неожиданно спросил:

— А вот Василия Иванова вы, конечно, знаете? — и устремил на меня немигающие глаза. Несмотря на неожиданность вопроса и испытующий взгляд ротмистра, я, несколько не смущаясь, быстро ответил, что такого не знаю.

— Как не знаю! — продолжал, по-прежнему пожирая меня глазами, ротмистр. — Ведь он же постоянно бывал у вас на квартире! — Я повторил, что не знаю. — Да не может быть! — снова сказал ротмистр. — Васю-то Иванова, длинного такого? Он все время ходил к вам. — Не знаю, — упорно продолжал я. Тогда он предложил посмотреть на фотографическую карточку Иванова: может быть, мол, тогда вспомните, и полез рукой в ящик стола за этой карточкой; но сидевший тут же за столом тов. прокурора вдруг решительно сказал: — Это бесполезно. Этого не надо: все равно не узнает, — и ротмистр, уже открывший было ящик стола, снова закрыл его.

Во все время допроса тов. прокурора молчал, рисовал на бумажке какие-то фигурки карандашом и слушал, изредка лишь хмуро и сосредоточенно поглядывая на меня из-под нахмуренных бровей. После этого вмешательства в допрос тов. прокурора, ротмистр спросил, не могу ли я еще что-нибудь прибавить ко всему, уже мною сказанному. Я коротко ответил: «Нет», — и на этом допрос закончился. Мне дали прочитать мои показания и подписаться. Когда я это сделал, ротмистр сказал, что я свободен, и я быстро вышел из кабинета. После меня вызвали брата. А я, выйдя на волю, стал его ожидать. Ждать пришлось не долго. Он

скоро вышел и передал мне, как его допрашивали. Оказалось, что ему задавали те же самые вопросы, что и мне, и приблизительно так же, как и я, он и отвечал на них.

Результатом этого первого допроса я был доволен, так как у меня были некоторые опасения, что дело могло кончиться гораздо хуже. На этой же неделе вызывались и допрашивались хозяева квартиры К. М. Мухина и ее сын Сергей.

За время допросов на квартиру к нам несколько раз заглядывали жандармы: то приносили повестки о явке на допрос хозяев, то за какими-то справками приходили. Поэтому квартира наша, как конспиративная, стала нами считаться проваленной. Ко всему этому однажды произошло непонятное для нас, до сих пор невыясненное, происшествие. У нас пропал большой тюк нелегальной литературы: листовок, брошюр, газет и т. д. Произошло это так. Однажды, в один из тревожных моментов жизни организации, когда жандармы производили у многих обыски, мы собрали всю нелегальщину, упаковали ее и очень, как нам казалось, искусно схоронили во дворе под дровами, надеясь, что она будет там в полной безопасности. И вот, когда миновал тревожный момент, и когда мы решили эту литературу снова взять в квартиру, то ее не оказалось. Все наши поиски не привели ни к чему.

Квартиру нашу для конспиративных собраний мы стали остерегаться давать; но менять ее не решались, так как, после истории на Сластихе, арестов Голубева и Иванова и нашего допроса по этому делу, сами-то мы все равно уже были взяты под подозрение жандармов, которые, конечно, могут всегда найти нас. Поэтому мы жили в этой квартире до зимы 1904—1905 года, когда вынуждены были разойтись, кроме вышеупомянутых причин, еще и по причине холода. Разошлись мы в разные стороны: я — на Голодаиху (так называли один из рабочих кварталов), а остальные товарищи — в другие места.

Просидев по несколько недель, арестованные на массовке за мельницей Сластихой были все освобождены без особых последствий. Помню, что В. Иванов, как только вышел из тюрьмы, сейчас же направился к нам на квартиру. Конечно, с точки зрения конспирации этот его поступок был в высшей степени неосторожен; но когда ему об этом было сказано, то он ответил, что он не мог поступить иначе: очень уж ему захотелось поделиться с нами впечатлениями о пребывании в тюрьме.

Между прочим, он рассказал, как они получили в тюрьме сведения об убийстве министра Плеве. Однажды ему, при помощи перестукивания,

сосед по камере сообщил, что «от Плева один ворот остался» и что ему «об этом сообщили на свидании».

Известие это быстро облетело тюрьму и создало среди заключенных повышенное настроение.

Сами мы, находясь на воле и будучи противниками террора, все же, надо сказать, были немножко взволнованы этим событием и много о нем говорили, как об акте террориста, самоотверженно отдавшего свою жизнь за достижение поставленных его партией целей.

— В тюрьме первое время по получении этих известий было шумно и беспокойно, — передавал далее В. Иванов; — несмотря на принятые администрацией меры к водворению порядка, пелись песни, происходили громкие разговоры и крики и т. п. — В. Иванов передавал свои впечатления в самых мелких подробностях с большим увлечением и, видимо, был очень доволен этим арестом, этим первым тюремным крещением. По его настроению было ясно, что тюрьма не только не подействовала на него в смысле устрашения, а как раз наоборот. Он вышел оттуда с новым запасом бодрости, энергии и сил, с еще большей решимостью продолжать партийную работу, какие бы кары ни угрожали впереди. Он снова стал бывать на нашей квартире почти каждый день.

В свободное от фабричной и партийной работы время на квартире у нас устраивались чтения вслух газет и книг уже не в виде кружковых занятий, а просто ради развлечения. Между прочим читали каждый день газету «Северный Край», выходящую тогда в Ярославле и считавшуюся самой передовой из всех газет. В ней часто помещались фельетоны аллегорического свойства на политические темы в художественно-беллетристической форме. Помню, их часто читал В. Иванов. Читал он очень хорошо.

По воскресным и другим праздничным дням в летние месяцы мы нередко группой в несколько человек ходили в мою родную деревню, находящуюся в 18 верстах от города (я тогда еще имел с деревней связь: там жили мои родители). Прогулки эти, несмотря на расстояние, доставляли нам большое удовольствие, как тем, что давали возможность после душного, пыльного Иваново-Вознесенска побывать в лесу, в поле, на лугу, покататься в реке и подышать чистым воздухом, а также и тем, что здесь, среди деревенской природы, мы чувствовали себя вполне свободными от всяких полицейских рогаток. Говорили и спорили на все лады по всем политическим вопросам и совершенно свободно и сколько было нам угодно пели революционные песни.

Возвращались с этих прогулок, несмотря на физическую усталость, после проделанных 38—40 верст туда и обратно, все же свежими, в очень хорошем настроении. В прогулках этих участвовали, кроме меня и брата Петра, еще В. Иванов, В. Голубев и некоторые другие. Позднее, в 1905 и следующих годах, нередко по праздникам ходили большими группами и в другую деревню, находящуюся в 5 или 6 верстах от города, к товарищам Нагорицыным, Масленникову и другим. Здесь по праздникам нашей публики собиралось иногда очень много. Здесь можно было видеть всех виднейших партийных работников как рабочих, так и интеллигентов. Время проходило шумно и весело; в особенности веселилась партийная молодежь, составлявшая тогда подавляющее большинство организации. Она устраивала спортивные состязания вроде бегания впереводку, чехарды и проч. Чувствовались здесь всегда особенная товарищеская простота и близость в отношениях друг к другу родных по духу людей, крепко и неразрывно спаянных единством убеждений и стремлений к единой общей цели.

3. В о й н а.

Начавшаяся русско-японская война не только не вызвала патристического подъема, а наоборот — подняла революционное настроение на небывалую до сих пор высоту. В первые дни на улицах, на заборах и в некоторых книжных магазинах появились размалеванные рекламы в духе самого откровенного шовинизма; но эти рекламы не только рабочими, но и очень значительной частью остального населения города встречены были в лучшем случае холодно; приходилось слышать тут же на месте самые откровенные враждебные и ругательные отзывы по адресу виновников войны.

В гуще рабочей массы в первые дни войны хотя и не было еще ярко определенного, поголовно и безусловно отрицательного отношения к ней, и даже нередко приходилось от некоторых отдельных лиц из наиболее материально обеспеченных групп слышать одобрительные отзывы, но это было только вначале, пока еще рабочая масса не успела отдать себе ясного отчета в этом вопросе. Чем дальше, тем меньше наблюдалось сочувствующих войне.

В первое же время нашей организацией были распространены листовки, разъясняющие смысл военных действий на Дальнем Востоке. Листовки эти получались, главным образом, от Северного Комитета, и

лишь некоторые из них были напечатаны нашей организацией. Адресованы они были как рабочему классу, так и крестьянству, а также и всему остальному населению. Велась также всеми членами организации повсюду, где только представлялось возможность, и устная агитация в этом же духе. В результате противники войны всюду имели подавляющее большинство. Мы, с.-д., понимали ясно, что, в случае победы России, царское правительство приобретет более твердую почву под ногами, так как сильно упавший его авторитет может подняться снова, а тогда организация рабочего класса для решительной схватки с царизмом затянется на очень долгий период времени; поэтому все известия с Дальнего Востока о наших поражениях нас радовали; наоборот, сведения об успехах создавали обратное настроение.

То же можно было видеть и у либеральной буржуазии, судя по ее органам печати. Либералы надеялись, что правительство, очутившись, в случае поражения, в затруднительном положении, призовет их к участию в управлении государством. Таким образом получалось, что подавляющее большинство населения — от рабочих до либеральной буржуазии включительно — не только не одобряло этой войны и не желало ее, но прямо заинтересовано было в поражении царских войск; т. е., другими словами, в этот период русско-японской войны подавляющее большинство населения России в вопросе об отношении к войне было «пораженцами» — такими же самыми «пораженцами», какими были от начала и до дней Октябрьской революции в мировой империалистической войне большевики.

Зато вся черносотенная, крупно-капиталистическая, дворянско-помещичья и вся кровно связанная экономическими интересами с упомянутыми слоями часть населения напрягала все силы, чтобы сделать войну популярной.

Вся черносотенная, дворянско-помещичья пресса, находившаяся на содержании правительства, дворян и поставщиков интендантства, захлебываясь, шумела на все лады о необходимости проучить наглых «макаков», которых они считали настолько мизерными и ничтожными, что их, мол, мы можем легко «закидать шапками».

Но, как они ни старались, патриотического подъема в стране не было и в помине. Между тем, с Дальнего Востока вести о неудачах нашей армии продолжали приходить все чаще. Разгром японцами нашего флота у Цусимы очень усилил революционное настроение как среди рабочего, так и среди большей части остального населения. По этому поводу

нашей организацией были устроены массовки и выпущены листовки, разъясняющие значение этого события.

В них говорилось, что теперь должно быть всякому ясно, что царское правительство не только враждебно рабочему классу, но даже неспособно вообще управлять страной. У него нет ни министров, ни генералов, способных к управлению и командованию армией, и т. д. Когда после долгого сопротивления генералом Стесселем был сдан Порт-Артур в конце 1904 года, под влиянием подъема революционного настроения, после этого события сторонники войны сильно притихли. Хотя черносотенная пресса различных марок и продолжала делать всяческие потуги популяризации войны, но в устных разговорах их выступлений стало почти незаметно. С этого момента для всех стало ясно, что война проиграна, что жертвы, принесенные армией, были напрасны. Озлобление на этой почве против виновников войны было почти всеобщим, и мы чувствовали, как крепнет у нас почва под ногами и назревает могучая сила народного гнева против вековых насильников, угнетателей и палачей ¹.

После убийства Плеве министром внутренних дел был назначен Святополь-Мирский. Он объявил «доверие к обществу», после чего вся буржуазная пресса начала кричать на все лады о наступившей якобы «весне» в политике правительства. Нашей организацией, помню, кроме листовок, разъясняющих смысл этой «весны», распространялись еще

¹ Помню, в это время была в ходу среди членов организации следующая шесенка:

Было дело у Артура,	Выходи, о друг любезный,
Дело скверное, друзья!	Уж настал свиданья час!
Того, Ноги, Камимура	
Не давали нам житья.	И враги рукою властной
	Потопили сразу двух.
Мы с соседкой желтолицей	Горемыка ли несчастный!
Подрались за царя.	Погубил свой грешный дух?
Полечу я вольной птицей	
Да за синие моря.	От Артура до Телина
	Отступали мы толпой.
Куропатки горделиво	Провозилась Агулина
Прямо в Токно спешил.	И ни с чем пошла домой.
Что ты ржешь, мой конь ретивый,	
Что ты шею опустил?	А наместник уезжает
	Без возврата навсегда,
Там стоял «Варяг» железный	Птичка божия не знает
И «Кореец» с ним как раз.	Ни заботы, ни труда.

карикатурные фотографии Святополк-Мирского. На них он был изображен с несколькими руками: в одной из них он держал бумагу о «доверии», в другой — нагайку, третья изображала «комбинацию из трех пальцев» и т. д.

Несмотря на усиленную болтовню буржуазных газет о «весне», она, кроме этой болтовни, ни в чем не проявлялась. По-прежнему не разрешались никакие собрания рабочих и остальных граждан. Всяческие преследования за самые мирные забастовки продолжались в прежнем духе. Помню, в «Русском Слове» известный фельетонист Дорошевич и другие среди своих многословных пустых разглагольствований о «весне», между прочим, говорили, что все же нам не нужно забывать и своего старого испытанного «отца Эзопа», что, мол, «весна»-то ведь все же «октябрьская», и что еще не исключена возможность возвращения «холодов». Поэтому особенно увлекаться предоставленной, якобы, свободой слова не следует и т. д.

Словом, несмотря на всю свою болтовню, и буржуазная пресса в «весну» верила с оглядкой, и только мы, с.-д. большевики, чувствовали и ясно понимали, что до тех пор, пока правительство не будет избрано всеми трудящимися и не будет за все деяния перед ними ответственно, наше положение рабочих, как положение бесправных, забитых и голодных рабов, измениться к лучшему не может. И что бы ни болтали царские министры о всяческом там «доверии» к какому-то «обществу», мы должны помнить одно, что наша главная задача — беспощадная

Вот готова уже лодка
В Нагасаки и домой.
Ну, садись, моя красотка,
Только рядышком со мной!

Поработал на Востоке
Интендант не без греха.
Хороши наши ребята,
Только славушка плоха!

С Порт-Артуром попрощался,
Получив большущий нос.

Гром победы, раздавайся,
Веселись, храбрый росс!

Куропаткуну обидно,
Что не страшен он врагам.
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Всероссийский император,
Царь жандармов и шпиков, —
Царь изменник, провокатор,
Содержатель кабаков;

Побежденный на Востоке,
Победитель на Руси,
Будь же проклят, царь жестокий,
Царь, забрызганный в крови! и т. д.

борьба с самодержавным правительством вплоть до того момента, пока оно не будет уничтожено. В этом духе нашей организацией и велась агитация как устная, так и путем изданий листовок и брошюр за весь этот период «весны» в политике.

За весь 1903—1904 г. вопрос о фракционных разногласиях, возникших на II Съезде нашей партии, большого интереса среди членов нашей организации не вызывал. Все наши партийные профессионалы-интеллигенты, — как упомянутые выше Юрик и Степан, так и все, работавшие в организации после них, — принадлежали к большевистскому течению. Из остальных членов организации также не было ни одного меньшевика. И вот должно быть потому, что вся организация была поголовно большевистской, вопрос этот не мог вызвать к себе особенного интереса. От рядовых работников, главным образом из рабочих, нередко приходилось слышать, что «это, мол, все чепуха, что среди нас, рабочих, никаких фракционных разногласий быть не может: у нас у всех интересы одни; а разногласия эти выдумала партийная интеллигенция» и т. д. Это, конечно, говорило о том, что такие товарищи не отдавали себе ясного отчета в этом вопросе, главным образом потому, что не были введены в курс его полностью.

Но это несколько не означало, что меньшевиков не было в организации потому, что вопрос не был достаточно ясен для всех членов в это время, так как в последующие годы он, конечно, был вполне уже выяснен каждым членом организации, а меньшевиков из рабочих так и не было, за исключением разве некоторых, побывавших у нас во время весенней всеобщей стачки в 1905 г. интеллигентов, которые выступали несколько раз на общих собраниях бастующих рабочих на речке Талке. Эти выступления не носили резкого полемического характера, и меньшевики эти были у нас очень короткое время. Из членов нашей организации, помню, только один В. Иванов стал проявлять меньшевистские тенденции в конце 1905 или в начале 1906 г.г.

Однажды он на конспиративном собрании в лесу выступал в защиту первой Государственной Думы, которую мы, большевики, как известно, тогда бойкотировали. Он говорил тогда, что мы Думу должны поддерживать, потому что она все же борется против правительства. На вопрос одного из присутствующих: «А как же мы ее могли бы поддержать?» — он ответил: «Хотя бы здесь на собрании путем вынесения соответствующей резолюции». В. Иванов, отошедший от нас к меньшевикам, впоследствии так и остался меньшевиком; но он был одинок и в организации

роли никакой не играл. Поработав некоторое время в союзе ситцепечатников, в первые месяцы существования этого союза в 1906—1907 г., и в кооперативе «Единение—сила», он потом уехал, кажется, в Москву и работал там в союзе кооперативов; а затем исчез с нашего горизонта.

В начале 1905 года я понес тяжелую утрату: умер очень близкий мой родственник. Умер он от туберкулеза, которым заболел, работая в качестве ткача на фабрике в Иваново-Вознесенске. Туберкулез получил вследствие тяжелых условий работы, в которых жили и работали тогда ткачи. Такие случаи смерти от туберкулеза среди них тогда были повседневным явлением.

Наблюдения их наглядно подтверждали мое убеждение в необходимости той революционной работы, которую вела наша партия по подготовке решительной схватки рабочего класса с царским самодержавием, которое, как нам, рабочим, тогда казалось, было первым и главным виновником всех наших бед и несчастий.

Туберкулез, или чахотка, как его называли рабочие, среди ткачей был самой распространенной болезнью. Избегала заболевания ею только наиболее крепкая физически часть ткачей; а слабейшая болела ею почти поголовно; лечения же не было никакого. Отпуска больным давались в очень редких случаях, да и то большею частью лишь тогда, когда болезненный процесс принимал совершенно неизлечимую форму. Сами больные почти никогда не могли пользоваться отпусками, так как, по общему правилу, отпуска эти давались без сохранения заработка, и больному приходилось выбирать или голодный отдых, или же, несмотря на болезнь, продолжать работать вплоть до полного истощения сил и смерти прямо за работой.

А о посылке на курорты или в санатории не могло быть и речи. Курортами могли пользоваться тогда только люди, имевшие большое состояние, т. е., главным образом, хозяева предприятий, которые, благодаря сытой, роскошной жизни, никогда не знали злой чахотки и, несмотря на свое цветущее здоровье, заполняли эти курорты ради приятного препровождения времени за счет тех десятков и сотен тысяч ткачей и других рабочих, которые гибли в каторжных условиях работы.

Весь этот ужас положения я сознавал давно, и сознание это было главным стимулом, побудившим меня стать на путь революционной борьбы, в ряды социал-демократической партии. Но оно особенно сильно дало себя почувствовать, когда дело коснулось лично меня, когда жертвою этих условий пал близкий мне человек.

В первое время несчастье это поразило меня так, что я впал в сильное уныние и никак не мог отделаться от упадочного настроения. Но, после глубоких размышлений, вызванных этим тяжелым событием, еще более усиливших мою злобу против главных виновников наших бед и несчастий, я пришел к выводу о необходимости усилить энергию в борьбе с врагами. В этом я нашел лучшее «утешение» в постигшем меня несчастье, и через некоторое время мое апатично-упадочное настроение стало проходить. Под влиянием усиленной партийной работы я почувствовал новый прилив энергии, бодрости и сил. Раз виновником во всем в первую голову является царское самодержавие, так направим же все силы нашей злобы и ненависти против него! — рассуждал я, и снова ушел с головой в партийную работу. Выполнял я в это время разные ответственные должности в организации, как-то: районного организатора, члена городской группы Северного Комитета Р. С.-Д. Р. П. и разные другие.

О каких-либо шагах зубатовцев, по организации рабочих по образцу московских, петербургских и других организаций зубатовского типа, в Иваново-Вознесенске ничего не было известно. Иваново-вознесенцы на пути своего революционного движения через этот этап не проходили. Тем не менее, тяжелый урок, который получили петербургские рабочие 9 января 1905 года, был поучителен как для рабочих всей России, так и для иваново-вознесенцев в частности.

Нашей организацией через некоторое время после событий 9 января было получено большое количество воззваний Гапона, в которых он призывал к решительной борьбе с самодержавным правительством. Одновременно с этим воззванием были получены фотографии Гапона и фотографические снимки отдельных сцен избиения петербуржцев 9 января. Все это было распространено организацией в большом количестве экземпляров. Фотографические снимки и карточки Гапона продавались за плату; сбор весь поступал в кассу организации.

Были распространены в это время нашей организацией и свои листовки с подробным разъяснением смысла событий 9 января. Эти события сыграли небывалую роль в подъеме революционного настроения среди всех иваново-вознесенских рабочих, как и во всей России, когда пронеслась небывалая до того времени по своей силе волна политических стачек протеста. Иваново-вознесенская организация этим вопросом также серьезно занималась. По ее инициативе, были попытки устроить краткосрочную политическую стачку, но, повидимому, вследствие недо-

статочной подготовки, она не удалась. Вышли только две-три фабрики, остальные работали. Около этого времени приехал партийный профессионал-интеллигент тов. Терентий. Работа в организации шла успешно. Число членов ее быстро возрастало. За время с января по апрель был выпущен ряд листовок; многие из них были написаны тов. Терентием. Он был очень энергичный и способный работник.

Время шло. По всей России волна стачек продолжала подыматься; а Иваново-Вознесенск все еще молчал; рабочие продолжали работать; но преобладающей темой разговора среди них была уже стачка, почва для которой быстро созревала; а газетные вести о новых стачках сильно помогали этому созреванию. Большую роль в этой подготовке почвы играла устная и печатная агитация нашей организации. За некоторое время до начала стачки на ряде конспиративных собраний были рассмотрены в общих чертах предложенные городским комитетом нашей организации или группой «Северного Комитета» требования рабочих для предъявления владельцам предприятий. Наконец, 11 мая 1905 года, организацией было создано в лесу собрание фабричных и заводских представителей. Были заслушаны доклады от каждого предприятия о настроении рабочих. Стало ясно, что настроение это представляло собою кипящий котел. На этом собрании было окончательно установлено, что почва для забастовки вполне готова, и решено было на другой же день, 12 мая, стачку начать.

4. Летняя стачка 1905 года.

Утром, 12 мая, все фабрики и заводы были в ходу, и работа шла обычным темпом. Только около полудня рабочие фабрики Бакулина бросили работу и вышли за ворота. Я работал тогда на ткацкой фабрике у «Компании»; мы, собравшись группой в несколько человек, — членов организации, — раза два-три уходили с фабрики на разведки, чтобы узнать, что делается на других фабриках; заглянули и на фабрику Бакулина. В это время там рабочие, бросившие работу, большой толпой стояли у ворот и шумно разговаривали. А в небольшом расстоянии от них, как раз против фабрики, в полном боевом порядке стоял отряд казаков. В момент нашего прибытия разнесся слух, что какие-то личности, появившись неизвестно откуда, ходят среди бастующих и, незаметным образом, делают на спинах некоторых, наиболее видных, руководителей стачки отметки мелом. Все быстро и тревожно начали озираться и пере-

ходить с места на место, ища загадочных, делающих эти отметки, лиц, чтобы расправиться с ними. Но никого не нашли.

Были ли они в действительности, — так и осталось неизвестным. Возможно, что это была провокация, пущенная агентами полиции с целью внести замешательство в ряды бастующих.

Когда мы вернулись из последней разведки на фабрику, было уже около четырех или пяти часов вечера. Рабочие еще продолжали работать. Несмотря на явно забастовочное настроение, окончательно раскачать и поднять рабочую массу было нелегко. Мы, члены организации, сколько нас было на фабрике, все время ходили по корпусам и агитировали; но рабочие бросать работу не решались.

Но вот получились сведения, что к задним воротам фабрики подошли рабочие соседних ткацких фабрик Зубкова и Полушина и требуют, чтобы мы немедленно присоединились к ним. Тогда уже мы решительно приступили к делу и стали всюду громко кричать: «Бросай работу! Да здравствует стачка!» Только тогда рабочие быстро, как по команде, остановили станки в двух ткацких корпусах и в прядильном корпусе, и густой массой стали выходить на широкий двор фабрики. А там у задних ворот стояла уже громадная толпа ткачей двух упомянутых соседних фабрик и требовала открыть ей ворота.

Когда мы, несколько человек организованных, во главе с громадной толпой ткачей и прядильщиков подошли к воротам, они оказались закрытыми; около них стояли два полицейских и несколько сторожей. Полицейские стояли у самых ворот в решительной позе, с явным намерением к воротам не подпускать. Не доходя нескольких шагов до полицейских, мы остановились. Несколько секунд длилось молчание. Полицейские не двинулись с места. А с нашей стороны наблюдалась нерешительность. Потом, кажется, Буров, я и некоторые другие решительно двинулись на полицейских, — а вслед за нами и вся толпа. Полицейские были отброшены. Ворота открылись. Бастующие соседних фабрик быстро соединились с нами, и мы двинулись через фабричный двор всей массой к другим, так называемым верхним воротам фабрики. В это время кто-то из товарищей подошел ко мне и передал, что я должен немедленно явиться на конспиративное собрание в такое-то место. Я быстро направился туда. Это было в лесу около Талки.

Когда я пришел, там было уже несколько человек, среди них товарищ Терентий, тов. Марта и многие другие. Обсуждалось положение в связи с начавшейся стачкой, и был принят ряд решений по вопросу о

руководстве ею. Между тем забастовавшие рабочие со всех фабрик и заводов двинулись на главную городскую площадь, к городской управе. Здесь, после краткой речи кого-то из товарищей, было решено немедленно разойтись по домам с тем, чтобы на другой день снова собраться тут же к десяти часам утра.

На другой день уже с девяти часов из всех рабочих кварталов густыми толпами потянулись бастующие рабочие на главную городскую площадь. Около десяти часов вся эта площадь и значительная часть прилегающих улиц были сплошь заняты рабочими. В центре площади, как раз против здания городской управы, сгруппировалась вся городская с.-д. организация, окруженная тесною, живую стеною рабочих. Тут можно было видеть всех виднейших партработников как рабочих, так и профессионалов-интеллигентов. Полиция и казаки разместились в задних рядах собравшихся и вели себя спокойно. Все лавки и магазины были закрыты. На площади было уже тесно, а публика продолжала прибывать. Было тихо. Не слышно было никакого шума. Собравшиеся вели себя очень спокойно и мирно. Из окон городской управы выглядывали здоровые, толстые и красные физиономии. Чувствовалось настроение ожидания.

Около одиннадцати часов один из товарищей принес стол или табуретку и поставил в центре нашей группы организованных. Поднялся тов. Е. Дунаев; мгновенно наступила абсолютная тишина. Взоры всех обратились на Дунаева. Осмотрев громадную толпу и помолчав несколько секунд, тов. Дунаев произнес небольшую речь, в которой, между прочим, призывал держать себя как можно спокойнее: не шуметь, не кричать, никого не трогать. «Напрасно эти люди закрыли свои лавочки и магазины,—говорил он далее,—мы не воры, не грабители, не жулики какие-нибудь, а честные рабочие-труженики, никогда не жившие на чужой счет или чужим трудом; но всю жизнь свою мы содержим своим собственным трудом множество всяких эксплуататоров и дармоедов, праздных бездельников. Поэтому пусть эти, закрывшие лавки и магазины, люди не меряют нас на свой аршин; пусть они знают, что честные труженики-рабочие совсем не то, что они».

Дальше он говорил о необходимости бороться за осуществление требований, которые мы предъявили фабрикантам и заводчикам, до тех пор, пока они не будут удовлетворены.

Когда он кончил, в толпе пронесся гул одобрения. После этого, по инициативе с.-д. организации, было предложено произвести сборы

в пользу бастующих. Кандидатами в сборщики были предложены наиболее видные, надежные товарищи — десятка полтора человек. Единодушным поднятием рук собрание их утвердило. В число этих сборщиков попал между прочим и я. И мы сейчас же направились по разным направлениям. Прошло немало времени, пока мы обошли всю громадную толпу, собирая в фуражки трудовые медяки, мелкие серебряные монеты и иногда мелкие бумажки. Я обходил не только бастующих рабочих, но и всех тех владельцев лавок и магазинов, которые после речи Дунаева были вновь открыты. Они тоже бросали мне в фуражку разную мелочь, но делали это очень неохотно; а многие из них с тревогой спрашивали:—Когда же это у вас все кончится? — Что же это? — спрашивал я их в свою очередь. — Да вот это самое, — продолжали они, кивая головой на собрание, — забастовка-то ваша, что ли? — Да ведь она только что началась, а вы хотите, чтобы она уже сейчас же и кончилась, — говорил я на это. — Но это же ведь беспорядок, — не унимались они. — А когда хозяева с нас три шкуры дерут, это порядок? — задавал я им вопрос, уже начиная волноваться. — Вот, как только хозяева удовлетворят наши требования, так и кончим забастовку. — Вопрошающие после этого угрюмо вешали нос и уходили в свои лавочки.

Когда все сборщики вернулись, у каждого оказалась почти полная фуражка медяков, значительное количество серебряных монет и мелких бумажек. На собрании, между тем, выступал ряд товарищей; они объяснили рабочим их требования. Охранители порядка — казаки и полицейские — вели себя все время спокойно. Собрание только уже к вечеру было распущено, с тем чтобы на другой день собраться снова. Тотчас же после собрания подсчетом сборов в конспиративной квартире было выяснено, что собрано несколько сот рублей.

На другой день собрание на площади возобновилось. Одновременно в разных частях площади, с нескольких импровизированных трибун в виде ящиков и бочек, несколько товарищей из виднейших членов с.-д. организации выступали сначала с разъяснением предъявляемых хозяевам требований, а потом уже начались выступления общего характера, на тему о тяжелом положении рабочего класса вообще, о причинах этого и о необходимости решительно бороться за улучшение своего положения. Власти продолжали вести себя спокойно, хотя казаки на площади были по-прежнему в полном вооружении. Во время речей товарищей, из окон городской думы смотрели все время представители власти и какие-то хорошо одетые барыни и господа.

Однажды на трибуну стал рабочий с Грязновской фабрики и, делая внушительный жест по направлению к думе, начал декламировать Некрасова «Парадный подъезд». Голос у него был очень громкий, и впечатление от его декламации было сильное. Собравшиеся были в восторге; зато все выглядывавшие из окон управы физиономии моментально исчезли, окна закрылись и долгое время не открывались. Товарищ этот, как потом выяснилось, был приобретший впоследствии большую известность, как один из руководителей забастовки, тов. Лакин¹.

Так происходили на центральной площади города общие собрания бастующих в течение нескольких первых дней забастовки. В эти первые дни подъем настроения был очень велик, а число бастующих увеличивалось с каждым днем: К бастующим рабочим текстильных фабрик и механических заводов присоединялись все новые группы рабочих из мелких мастерских. Присоединяющиеся шли прямо на площадь, новыми волнами вливались в общую массу бастующих и, через своих руководителей, в простых, бесхитростных словах говорили о своем сугубо-тяжком положении. Слушая жуткие рассказы каких-нибудь прачек о неимоверно-бесчеловечной эксплуатации их хозяевами, толпа глухо волновалась. Сочувственно принимая в свои ряды все новые кадры измученных и обездоленных, она одобрительно приветствовала всех новых прибывающих и обещала им свою братскую поддержку.

Через несколько дней властями было предложено бастующим устраивать собрания за городом, а на площади собрания прекратить, чтобы не нарушать уличного движения. С этого момента собрания стали происходить близ станции железной дороги, у опушки леса, на речке Талке.

Старший фабричный инспектор Владимирской губ., Свирский, от имени владельцев предприятий и властей, предложил бастующим разбиться по фабрикам и вести переговоры с каждым владельцем отдельно; но это предложение было тотчас же единогласно отвергнуто.

Бастующими рабочими было избрано около ста депутатов для переговоров от имени всех бастующих как с хозяевами, так и с представителями власти, а также и для руководства стачкой. Так образовался Совет рабочих депутатов города Иваново-Вознесенска — первый в России Совет рабочих депутатов. Это было между 13 и 15 мая 1905 г.

Товарищ Сверчков, в своей книге «На заре революции», совершенно неправильно утверждает, что петербургский Совет рабочих депутатов,

¹ Лакин убит во время октябрьского погрома в одном местечке Владимирской губ.

организовавшийся в октябре 1905 года, был первым в России. Первым Советом рабочих депутатов в России был иваново-вознесенский Совет. Дальше так же неверно тов. Сверчков утверждает, что в конце октября и в начале ноября, на-ряду с сообщением об организации в разных местах России Советов рабочих депутатов, из Иваново-Вознесенска также было такое сообщение: ни в октябре, ни в ноябре 1905 года никакого нового Совета рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске организовано не было, а прежний Совет, организованный в начале мая, просуществовал только 2½ месяца во время стачки, до момента ее окончания 27 июля. А дальше он, так сказать юридически, уже не существовал. Хотя рабочие и продолжали считать всех руководителей стачки — депутатов — своими уполномоченными и всегда, при конфликтах с фабрично-заводской администрацией, обращались к ним и вели переговоры только через них, — но Совет, как таковой, уже никогда больше не собирался и никаких официальных выступлений, как таковой, от имени рабочих уже не делал; а с.-д. организация, с окончания летней стачки, руководила движением через свои обычные органы, используя, конечно, всемерно популярность бывших членов Совета, как руководителей движения.

В президиум Совета вошли: председателем — А. Е. Ноздрин, секретарем — Н. П. Грачев, а вторым и третьим секретарями — Добровольский и Суховский, и казначеем — тов. Царский. Первый — гравер, второй — электрик, третий и четвертый — тоже электрики, и пятый — кажется, фото-гравер на одной из ситцевых фабрик. Кандидатура Ноздрина была выставлена группою граверов.

С нашей стороны был выставлен на должность секретаря Н. П. Грачев и другие вышеупомянутые, и президиум был готов. Собраниями Совета Ноздрин руководил довольно хорошо, а личного влияния на ход стачки он, как председатель Совета, большого иметь не мог, так как вообще решения, принимаемые Советом, диктовались руководящим центром городской с.-д. организации.

Первые заседания Совета происходили в помещении городской мещанской управы. Из них первое больше всего сохранилось в моей памяти. На этом собрании, между прочим, и был избран президиум Совета. Присутствовали на нем, кроме депутатов, и три фабричных инспектора — старший Свирский и два его помощника: Полубенин и еще один.

Обсуждались требования бастующих. Много говорилось на этом собрании о важности восьмичасового рабочего дня. Все ораторы горячо доказывали необходимость во что бы то ни стало добиться проведения

Совет рабочих депутатов гор. Иваново-Вознесенска, май—июнь—июль 1905 г. (Снимок первый, см. стр. 91).
(Этот и последующие два снимка были произведены в разные периоды стачки
на речке Талке, месте собрания бастующих.)

в жизнь этого требования, — и только Е. Дунаев, во время обсуждения этого вопроса, вдруг бросил несколько слов о том, что, в крайнем случае, временно, мы, мол, могли бы удовлетвориться и девятичасовым днем. Но это предложение встретило решительный отпор. Решение о введении восьмичасового дня было, конечно, единогласное.

На этом собрании представители фабричной инспекции, как и на площади в первые дни забастовки, предлагали разбиться по фабрикам и предъявлять требования каждому владельцу рабочими этого предприятия отдельно. Но это встретило всеобщее и решительное возражение и было провалено единогласно, как и на площади. Все требования, обсуждавшиеся на этом собрании, принимались единогласно, без особых споров. Фабричная инспекция старалась придать своему поведению внешнюю беспристрастность третьей, незаинтересованной стороны. Но, после провала ее предложения разбиться по фабрикам, настроение у нее сильно изменилось, как она ни старалась это скрыть; и еще более ухудшилось настроение представителей фабричной инспекции после того, как было отказано в просьбе какого-то представителя власти разрешить напечатать в одной из бастующих типографий срочную бумагу, с которой последний обратился в Совет рабочих депутатов, во время этого собрания. Просьбу эту инспекция сильно поддерживала; тем не менее Совет отказал в ней.

Рассмотренные на этом собрании и утвержденные требования состояли из двух основных частей — политической (правовой) и экономической. В числе политических требований были: созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого и т. д., свобода устного и печатного слова, свобода союзов, стачек, собраний, неприкосновенность личности и жилища всех граждан России и т. д. Экономическими же требованиями были главные: установление восьмичасового рабочего дня, повышение заработной платы и установление ее минимума в 20 рублей в месяц; квартирная плата, улучшение санитарных условий и т. д. Всего требований было около двадцати пунктов. После окончания выработки, требования были предъявлены фабричной администрации.

Предъявленные фабрикантам и заводчикам требования были отпечатаны на гектографе с.-д. организации, при чем вверху листа, на котором они были напечатаны, был помещен заголовок: «Российская Социал-Демократическая Рабочая партия. Иваново-Вознесенский комитет» и лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Помню, когда мы, в числе нескольких человек, подали требование директору нашей фабрики Н. И. Волохову, он решительно отказался их принять на том основании,

что они исходят от с.-д. партии, а не от рабочих его фабрики. У нас с ним по этому поводу возник спор. Мы настаивали на принятии требований в таком виде, а он упорно отказывался их принимать, заявляя, что партия с.-д. незаконна и выступать от имени рабочих официально не может.

В первые дни собрания Совета происходили в мещанской управе, и полиция им не мешала. Потом ею было предъявлено требование представлять протоколы собраний для просмотра. Совет категорически отказал. После этого, собрания, в помещении мещанской управы, были запрещены, и Совет перенес их на Талку, где устраивались ежедневно собрания всех бастующих рабочих.

С первых же дней возникновения Совета, власти вступили с ним в сношения по разным относящимся к стачке вопросам и тем самым фактически признали в нем орган законного представительства бастующих рабочих.

В первые же дни собраний на Талке, рабочими каждой фабрики и завода в отдельности были выработаны дополнительные требования частного характера, касающиеся устройства прачечных и бань там, где их не было, и проч.

Общие собрания на Талке происходили ежедневно с десяти часов утра, при чем порядок ведения их был, приблизительно, следующий. Утром, часов в девять, собирался пленум Совета рабочих депутатов у лесной сторожки на небольшой лужайке, отделенной от места общего собрания всех бастующих речкой Талкой, которая в этом месте делает крутой изгиб, образуя небольшой полуостровок в виде полукруглой площадки, поросшей густой зеленой травой. На пленуме обсуждались все вопросы по руководству стачкой и выработывался порядок дня общего собрания бастующих. Присутствовали на пленуме только члены Совета и представители партийной организации. Посторонняя же публика не допускалась, за исключением случаев, когда нужно было сделать важное и срочное сообщение.

Владельцы предприятий с первых же дней забастовки из города исчезли. На фабриках были только управляющие, директора и другая администрация, с которой рабочие и вступали, от времени до времени, через своих депутатов в переговоры. На одном из собраний на Талке, по предложению Совета, было решено отправиться на фабрику с требованием уплаты заработка за время стачки. Но администрация, которую встретили там рабочие депутаты, ответила, что хозяев нет, а они сами

по этому вопросу полномочий не имеют. На многих фабриках в этот раз у депутатов с администрацией на этой почве произошли большие споры. В результате их, на другой же день, находившийся в это время в городе губернатор издал объявление, в котором угрожал «принять меры против лиц, позволяющих себе угрозы и шум во время переговоров с фабричной администрацией по вопросу об уплате за время стачки».

Хозяева всё же решили выдать рабочим некоторую сумму,— правда, очень маленькую, — кажется, по 1 рублю на человека, что и было сделано в течение стачки, кажется, раза два или три. Кроме того, каждая фабрика изыскивала и другие средства смягчения материального положения бастующих, — в особенности в те моменты, когда оно было особо тяжело. Так, например, на ткацкой и прядильной фабриках «Компании» были вскрыты кружки у имевшихся во дворе икон, содержимое которых копилось долгими годами в виде поступления пожертвований от самих же рабочих, опускавших в эти кружки, во время каждой полочки жалованья, мелкие деньги на «масло». Вскрытие кружек было произведено с тем условием, чтобы, после возобновления работ, изъятые возвратить.

К концу пленума ежедневно собирались на Талку несколько тысяч бастующих. Тогда пленум Совета закрывался. Все депутаты шли к трибуне, на место общего собрания (трибуну служила большая бочка), и собрание открывалось речью кого-нибудь из депутатов или партийных работников о течении забастовки, о переговорах с хозяевами, о сношениях с властями и т. п. Дальше шло краткое обсуждение практических вопросов по текущим делам стачки и голосовались внесенные от имени Совета предложения. А затем обычно выступал кто-нибудь из партийных интеллигентов с большой агитационной политической речью на тему о положении рабочего класса, о причинах его бесправия и экономической нужды и о способах устранения их и т. д.

С этого момента собрание превращалось в «университет политико-экономических наук». Речи толпа слушала с большим вниманием, прерывая ораторов аплодисментами и криками одобрения: «Верно!», «Правильно!» За первым оратором выступал другой, за другим третий, и собрание продолжалось до тех пор, пока слушатели не утомлялись в достаточной степени. Тогда пелись революционные песни, и собрание распускалось.

В первые дни стачки в речах товарищей всегда можно было слышать призывы к соблюдению полного спокойствия и порядка; отмечалось, что стачка должна быть совершенно мирной, что борьба с хозяе-

вами должна ограничиваться только отказом приступить к работам до тех пор, пока требования не будут удовлетворены. В первые же дни стачки Совет рабочих депутатов потребовал от властей закрытия всех казенных винных лавок на время стачки. Это требование было удовлетворено. И, действительно, в городе в это время порядок был такой, какого еще не было никогда до забастовки: не видно было пьяных, не наблюдалось ни драк, ни скандалов, ни азартных игр, которые также были воспрещены Советом.

В речах ораторов, в первое время стачки, не было не только решительных и смелых призывов к вооруженной борьбе, но вообще наблюдалась тенденция подходить к острым вопросам революции очень осторожно. Это вызывалось тем соображением, что настроение большей части бастующих — наиболее отсталых элементов — было отрицательное ко всем этим вопросам. Это было видно из того, что, при попытках товарищей затронуть эти вопросы, создавалось шумное настроение большинства участников собрания; отовсюду слышались крики: «Довольно! Не надо об этом! Мы хотим мирной борьбы, а не революции, у нас забастовка экономическая!» — и т. п.

Однажды Ф. Кукушкин («Гоголь»), после коротенькой речи с трибуны, крикнул: «Долой самодержавие!» После этого, толпа так громко волновалась и протестовала против этого, что одному из товарищей-интеллигентов немало труда стоило ее успокоить. После этого случая, для нас стало особенно ясным, что бастующих нужно еще готовить, соответствующим образом воспитывать в политическом отношении, и что подход к этому воспитанию должен быть очень умелый и осторожный. Это воспитание происходило регулярно на ежедневных общих собраниях бастующих, и Талка превратилась в полном смысле в «университет политического воспитания бастующих рабочих», который, интенсивно работая, делал это свое дело с большим успехом. А фабриканты и заводчики с ответом на предъявленные им требования не спешили; власти тоже как-будто активно себя не проявляли, и собрания как Совета рабочих депутатов, так и всех бастующих ежедневно продолжали происходить в одни и те же часы.

Наиболее видными и популярными депутатами, игравшими руководящие роли и роли уполномоченных по разным переговорам с представителями власти и хозяевами, были следующие товарищи: Е. Дунаев, Косяков, Н. Грачев (секретарь Совета), А. Ноздрин (председатель Совета), Н. Жиделев, М. Лакин, Ошурков, С. Балашов и некоторые

другие; из партийных интеллигентов: товарищи Терентий, Станислав (Вольский), Салов («Рядовой»), Степаненко.

Как талантливые ораторы, постоянно выступавшие на общих собраниях, были известны, из интеллигентов — товарищи Станислав (Вольский), Терентий, Степаненко, Салов («Рядовой»). Из рабочих: Е. Дунаев, М. Лакин, Косяков. По партийности все они были с.-д., при чем Степаненко и «Рядовой» были меньшевиками, а остальные — большевиками.

На переговоры с фабрикантами и властями, в качестве уполномоченных Совета, ходили чаще всего т.т. Косяков, Жиделев, Н. Грачев, Ошурков и нек. др.

Однажды, после хождения к губернатору, тов. Жиделев передавал следующее о результатах этого хождения. Когда они пришли, в числе нескольких человек, от имени Совета, для выяснения положения по поводу упорной неуступчивости хозяев, в приемной губернатора (в городской управе) им пришлось прождать порядочное время, пока не вышел губернатор. Сесть не приглашали, и пришлось все это время ожидания стоять.

Наконец, выходит губернатор в сопровождении нескольких приближенных. Поздоровались и собирались уже приступить к деловому разговору, как вдруг раздался оглушительный раскат грома, и сверкнула молния, такая яркая, что больно стало глазам. Губернатор и вся его свита вздрогнули и усиленно закрестились.

— А из нас, — передавал тов. Жиделев, — ни один и глазом не моргнул. Никто и не подумал креститься. Мы стоим себе спокойно, глядя, как они крестятся; а некоторые из нас даже не могли удержаться от иронической улыбки. Губернатор и его свита опешили, как он выражался. «Неужели вы не верите в бога?» — начал было губернатор, приходя немного в себя от охватившего его оцепенения при виде нашего поведения. Но в этот момент раздался новый раскат грома с еще большей силой, снова блеснула ослепительно-яркая молния, и представители власти еще усиленнее закрестились. А мы продолжали спокойно стоять и ждать, пока они, наконец, перестанут креститься. Видя такое наше упорное «безбожное» поведение, губернатор продолжал прерванные вопросы: почему мы не верим в бога, не боимся грозы и т. д. Тогда бывший в числе делегатов тов. Косяков ответил ему, что нам, мол, бояться грозы нечего, мы видали всякие грозы; а вот если нам угрожает голод, то его мы побаиваемся, — с ним мы очень хорошо знакомы и знаем, что он пострашнее всякой грозы, и от него откреститься невоз-

Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов, май—июнь 1905 г. (Снимок второй.)

можно. Не отвечая тов. Косякову, губернатор привел какую-то выдержку из басни Крылова. Тогда тов. Косяков ответил ему басней же Крылова: «Свинья под дубом»; вот, мол, господин губернатор, если вы будете просматривать книгу басен того же автора, которого вам угодно было сейчас цитировать, то найдете там другую басню, которая сейчас очень подходит к нашему разговору. И он мастерски рассказал начальству почти всю басню. После этого настроение начальства сильно изменилось в худшую для нас сторону, — передавал тов. Жиделев: — никаких частных разговоров, не имеющих прямого отношения к делу, уже больше не было; после кратких ответов губернатора о том, что он ничего сделать не может, что хозяева в праве уступать нам или не уступать, мы, как и всегда это случалось, ушли ни с чем.

Тов. Косяков был очень интересный, толковый и талантливый рабочий. Он всегда отличался большой находчивостью и остроумием; но был резок и прям, и за это всякое фабричное и полицейское начальство имело его на плохом счету. Никакой черносотенной рвани он, как говорится, спуска не давал и всюду рубил сплеча. В октябрьские дни 1905 г. на собраниях и всюду всех врагов рабочего класса беспощадно разоблачал, выводил их на свежую воду, и за это поплатился жизнью. В жуткое время черносотенных погромов он был убит врагами рабочего класса.

Из рабочих, выступавших на общих собраниях бастующих, тов. Е. Дунаев выступал особенно часто. Он пользовался огромной популярностью среди бастующих. Говорил простым, понятным широкой рабочей массе, языком. К вопросам подходил умело и освещал их толково и понятно. Немалую роль в его популярности играла и наружность. Вид у него был самого заурядного рабочего: рябоватый, худощавый, среднего роста, одетый всегда в синюю поношенную блузу или такого же цвета простую рубашку и сильно потертую фуражку, — такая его внешность внушала рабочим особое доверие; они чувствовали, что это «свой человек». У властей он считался одним из видных главарей забастовки, и они принимали все меры к его аресту; но, благодаря хорошей конспирации, это не удавалось. Был случай ареста вместо него очень похожего на него по наружности рабочего. Произошло это так: на общее собрание на Талке явился рабочий и рассказал, что его арестовали как Дунаева и держали несколько дней под арестом, пока не узнали, что тов. Дунаев продолжает ежедневно выступать здесь, на собрании бастующих. Рабочий этот был действительно похож на Дунаева, — немного лишь побольше ростом и поплотнее его.

Митинг иваново-вознесенских рабочих на Талке. (Снимок третий.)

Недели через две, со дня предъявления требований, хозяева, наконец, прислали ответ через фабричную инспекцию. Каждый хозяин отвечал отдельно, и ответов этих, заклеенных в конверты, была куча. В момент получения их происходило общее собрание бастующих; один из партийных интеллигентов, кажется тов. Терентий, взяв всю кучу конвертов с ответами в охапку, поднялся на трибуну и, показывая их, сказал: «Вот сейчас мы, наконец, получили от хозяев ответ на наши требования. Посмотрим, что они, кормильцы и благодетели наши, нам пишут». И объявил перерыв собрания.

Экстренно созвали пленум Совета, на котором были вскрыты конверты. Почти на все требования рабочих ответ был отрицательный, за исключением каких-то грошовых прибавок да мелких, относящихся к отдельным фабрикам, пунктов — кажется, о банях и прачечных. О политических требованиях хозяева говорили, что удовлетворение их не от них зависит, и что поэтому направлены они не по адресу.

Решено было стачку продолжать; а политические требования выдлить и послать министру внутренних дел. Общее собрание бастующих единогласно постановило забастовку продолжать, а также согласилось с решением Совета о выделении политических требований.

Политические требования были отпечатаны; под ними подписались депутаты с точным указанием предприятия и должности, а затем был собран не один десяток тысяч подписей остальных бастующих. В виде петиции требования эти были отосланы по назначению.

Техника с.-д. организации была налажена в этот момент недурно. Мне было поручено снабжение типографии бумагой, краской и прочими материалами. Типография эта находилась на окраине города, по Большому Лежневскому тракту. Заведывал ею тов. Дианов. Бумагу, краску и проч. я покупал в магазине Ильинского и, при помощи нескольких товарищей (тов. «Монаха» Радостина и других), обходными путями доставлял в типографию. Печатались в типографии ежедневно бюллетени о ходе стачки, которые распространялись на общих собраниях; это обстоятельство имело очень большое агитационное значение.

Популярность Совета росла с каждым днем не только среди избирателей; она распространялась далеко за пределы города. К нам в Совет, через некоторое время после его избрания, начали поступать самые разнообразные просьбы и жалобы от рабочих ближайших городов и местечек о притеснениях со стороны хозяев; были жалобы и от крестьян на при-

теснения со стороны помещиков и разного сельского начальства. От рабочих нередко приезжали делегаты из разных местностей губернии за советами или со всякого рода жалобами на хозяев. Их приглашали на заседания Совета; выслушивали, давали необходимые указания, а иногда посылали с ними на место кого-нибудь из депутатов или партийных работников для организации стачки.

В буржуазных газетах («Русское Слово», «Русские Ведомости» и другие) много писалось тогда о событиях в «Русском Манчестере» — так они называли Иваново-Вознесенск. Газеты эти, конечно, освещали стачку по-своему: одни отзывались с похвалой по поводу стойкости, выдержанности и дисциплины бастующих, как, например, «Вечерняя Почта» и «Северный Край», выходявший тогда в Ярославле, где были близкие нам люди в качестве сотрудников; другие, как «Русское Слово» и «Русские Ведомости», печатая длинные статьи о стачке, одобряли выдержку, дисциплину и прочее, но не вполне одобряли неумеренность требований, как Учредительное Собрание и проч.; а третьи, как «Русский Листок», ругались и всячески клеветали на бастующих, стараясь скомпрометировать стачку.

После какой-то особенно гнусной статьи, напечатанной в этой газете, Советом было решено объявить ей полный бойкот. На общем собрании, кажется, тов. Терентий прочитал эту статью, разорвал газету и внес предложение никогда никому не покупать и не читать ее. Это предложение было принято единогласно. С этого момента газета «Русский Листок» исчезла из обращения среди бастующих; бойкот был для нее настолько чувствителен, что она стала выходить под другим названием (вместо «Русского Листка» — «Русский Голос»).

Полиция продолжала наружно вести себя спокойно. Но за руководителями стачки следила и даже охотилась на них исподтишка. Некоторые из товарищей подверглись арестам еще в первые недели стачки, как тов. «Рядовой» (Салов), но были выпущены в середине стачки. Эти аресты еще больше озлобляли бастующих, — они только помогали революционизированию их настроения. Так, когда тов. Рядовой после двух- или трехнедельного ареста появился на трибуне, ему была устроена единодушная, шумная встреча.

Около фабрик, по утрам, в первые недели забастовки расставлялись назначаемые Советом патрули для проверки, не ходит ли кто на работу. В патруле, по поручению Совета, приходилось неоднократно бывать и мне. Раненько утром, когда только еще начинало всходить солнце,

стоишь, бывало, на главной дороге, ведущей к фабрике, и смотришь, не покажется ли где «штрейкбрехер». Но проходит час, другой, и тихо все кругом, безлюдно. Стоят гиганты-корпуса фабрик и заводов, расположенных по обоим берегам протекающей через город реки Уводи. Не дымят их громадные трубы; не слышать обычного шума и трескотни ткацких станков. И сама Уводь изменилась: она уже не портит воздух своим вониючим запахом, происшедшим вследствие неимоверного загрязнения ситце-печатными и отбельными фабриками и химическими заводами, с которых спускались в нее все нечистоты.

Проходят часы, а штрейкбрехеров все нет: крепко рабочая масса решила бороться за свои кровные интересы. Много, видно, накопилось горечи от всяческих обид и притеснений в сердцах рабочих. Многочисленные обиды и притеснения в течение десятков лет сказались теперь. Трудна борьба с неравным по силе врагом-капиталистом: приходится и голодать, и терпеть нужду во всем необходимом: но... нет штрейкбрехеров. Безлюдье кругом полное. За все время только однажды мне пришлось остановить рабочего, шедшего утром на фабрику. Это был старик лет около шестидесяти. Когда я его спросил, куда он идет, он ответил, что на фабрику. «А разве ты не знаешь, что сейчас забастовка?» — «Знаю, — ответил он, — да надоело уж очень сидеть без делов-то. С десяти лет я на фабрике работаю без перерыва, вот теперь без работы и скучно стало». — «А есть у тебя чего кушать-то?» — «Вот есть» — показал он на узелок, где был кусок хлеба. Старика вернули обратно и взяли с него слово, что он не пойдет на фабрику до окончания стачки.

Однажды, во время дежурства, пришлось встретиться с полицеймейстером города Кожеловским, впоследствии, как будет видно ниже, стрелявшим в рабочих. Было уже высоко солнце; кругом обычная тишина и безлюдье. Патрульные стояли на берегу крутого оврага, близ фабрики «Компании», когда от местечка Дмитриевки показался Кожеловский. Его фигура всем нам была хорошо знакома. Он ехал на пролетке с кучером и, кажется, с вооруженным охранником прямо к нам. Мы сделали вид, что не обращаем на него внимания. Не доезжая до нас несколько десятков шагов, он сказал:

— Что? Стойте и сторожите, чтобы не дать желающим стать на работу? Силой заставляете бастовать? Напрасно смотрите: не пойдут фабрики! Не бойтесь, они теперь уже не завертятся! Скоро сами будете просить, чтобы их пустили, да нет уж, нет, не завертятся они! Долго не

завертятся! Вот и побастуете теперь, побастуете! — Мы ничего не ответили, делая вид, что это к нам не относится, и он уехал.

Однажды на Талку, на общее собрание, приехал инспектор Свирский и произнес небольшую речь, в которой говорил, между прочим, что мы ведем себя хорошо, что спокойствие и порядок во время стачки необходимы, что так нужно продолжать вести себя и дальше, что Совет рабочих депутатов стоит на высоте положения, что руководит он стачкой очень умело и правильно, и что многие требования рабочих вполне справедливы. На вопрос из толпы: «Если наши требования справедливы, то почему их не удовлетворяют?» — он ответил: «Есть пословица: дитя не плачет, мать не разумеет. Когда вы молчали, с вашими потребностями мало считались; а теперь должны будут считаться больше». Он говорил, кажется, еще о свободе стачек и в заключение пожертвовал в пользу бастующих несколько рублей.

Время шло, а фабриканты молчали. Материальное положение бастующих становилось все более трудным. Кроме сборов, произведенных нами в первый день стачки на городской площади и давних несколько сот рублей, в кассе Совета ничего не было. Потом постепенно стали поступать новые сборы от рабочих из других городов и промышленных местечек. Была организована комиссия по выдаче пособий.

Сборов за все время стачки, насколько помню, поступило около полутора десятка тысяч рублей. Количество особо нуждающихся росло; их приходилось строго сортировать, так как всех удовлетворить было невозможно. Пособия выдавались не деньгами, а в виде чеков и талонов из общества потребителей; нуждающиеся получали пособия из общества потребителей прямо продуктами.

Это делалось для того, чтобы пособия получали действительно нуждающиеся.

Выступая на собраниях, многие товарищи-интеллигенты договорились, наконец, до полной потери голоса. Но приезжали другие, и «университет на Талке» продолжал работать. Результаты его воспитательного значения начали сказываться очень заметно. Та самая толпа, которая в начале стачки и слышать не хотела революционных призывов вроде «долей самодержавие», «да здравствует вооруженное восстание» и т. д., теперь, после прохождения порядочного курса политической грамоты, уже с большим подъемом аплодировала самым горячим политическим речам против царского самодержавия и старого порядка. Теперь толпа пела сама революционные песни.

Власти этого не могли не замечать. Они прекрасно понимали, что на Талке в течение долгого времени регулярно идет противоправительственная агитация, с которой они не могли примириться. Им было ясно, что этому нужно было положить конец; а это можно было сделать только путем прекращения стачки.

И они решили действовать в этом духе.

3 июня было расклеено постановление губернатора, согласно которого собрания рабочих на Талке категорически воспрещались, с угрозой в случае неподчинения применить вооруженную силу. Из этого распоряжения было ясно, что власти решили открыто стать на сторону фабрикантов и заводчиков, чтобы, лишив нас возможности собраться, тем самым разбить нашу сплоченность и организованность.

Было устроено конспиративное собрание депутатов и партийных работников, на котором решено, несмотря на запрещение, все же собраться в обычное время на Талке. Об этом решении было устно передано бастующим, насколько это было возможно. И вот, утром 3 июня, часов около 11, у опушки леса, близ лесной сторожки, на противоположной от обычного места собрания стороне Талки, собралось около 3 тысяч человек. Все сидели на земле и ждали, когда соберется больше, чтобы открыть собрание. Публика потихоньку продолжала прибывать.

Но вот появились казаки. Большой отряд, с полицеймейстером Кожеловским во главе, показался со стороны станции и быстро двигался к месту собрания. Собравшиеся продолжали спокойно сидеть, зорко наблюдая за движением казаков. Вот казаки уже подъехали к небольшому мостику (павам), перекинутому через Талку. После минутной остановки у мостика, они быстро двинулись прямо на собравшихся. Переправившись через мостик, они, выстроившись густою цепью, во главе с Кожеловским, снова на минуту остановились, и Кожеловский три раза без малейших промежутков крикнул: «Расходись! Расходись! Расходись!» В этот же момент скомандовал: «Казаки вперед!» — и сам первый ринулся на толпу. За ним, прищпорив лошадей, с криком и гиканьем устремились и казаки.

Толпа уже была на ногах и стала отступать сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее и, наконец, лавиной двинулась в лес по разным направлениям. Большая часть двинулась к линии железной дороги. Мы, депутаты, пробовали остановить этот стихийный поток, так как в лесу конным казакам трудно было бы справиться с толпой, а громадная толпа пеших могла не без успеха сопротивляться. Но дикий вой,

ругательства и гиканье пьяных казаков производили свое действие. В скором времени в отступающих было дано несколько залпов из винтовок. После этого отступление приняло панический характер. А залпы продолжали повторяться один за другим все чаще. Ту часть отступающих, которая направилась в лес, влево от железной дороги, выстрелами было взять трудно: мешала лесная чаща, — и казаки стали преследовать другую часть, которая направилась вправо, к линии железной дороги.

Я как-то попал в эту сторону и вначале, под влиянием сильного озлобления, вместе с другими товарищами принялся собирать камни на линии железной дороги, инстинктивно намереваясь организовать сопротивление против шайки негодяев. Но, видя, как казаки продолжают стрелять по бегущим через железнодорожную насыпь, снимая их оттуда пулями, и какая паника охватила бегущих, мне стало ясно, что сделать ничего нельзя и что нужно уходить. Я примкнул к группе товарищей, направлявшихся в лес, влево от железной дороги. Шли мы лесом порядочное время, пока не дошли до сторожки, находящейся на довольно большом расстоянии от Талки.

В сторожке было уже несколько человек. Мы вошли, чтобы попросить напиться. Но сторож, находившийся в это время на воле, вдруг вбегает в сторожку и хватает со стены револьвер. Видя это, в один момент на сторожа бросается несколько человек и обезоруживает его. Он смотрит на нас зверем. Мы вначале думаем, что он принял нас за грабителей, и начинаем ему объяснять, кто мы; говорим, что ничего худого ему не желаем и не сделаем; но он продолжал смотреть на нас враждебно; тогда мы бросили его и пошли дальше. Шли лесом долгое время, пока не дошли до села Богородского. Там также встретили уже несколько товарищей. Немного отдохнувши, отправились в город.

Был поздний вечер, когда мы прибыли в город, и там мы увидели следующее. В местечке «Ямы» горели ситцевая фабрика Гандуриных, лесной склад Ивана Горелина. А в окрестностях, в следующие дни, уже горели дачи городского головы Дербенева и его брата, дача фабриканта Фокина, фабриканта Бурылина. В этот же вечер разгромлено было несколько винных лавок; много испорчено телефонных и телеграфных столбов и порвано телефонное и телеграфное сообщение. Столбы валялись всюду на улицах. А толпы озлобленных рабочих ходили по улицам и во многих местах избивали попадающихся им полицейских. В городе носились слухи о большом количестве убитых и раненых,

и всюду слышались ругательства и угрозы по адресу виновников зверской расправы с бастующими.

Словом, было видно, что эта жестокая расправа с безоружными не только не подействовала на бастующих устрашающе, но усилила до крайних пределов озлобление. Желание властей — при помощи расстрела прекратить стачку — дало обратные результаты.

На другой же день, по решению группы «Северного Комитета», было создано нелегальным образом собрание Совета рабочих депутатов, на котором выяснилось, что казакам, стрелявшим в рабочих, было отдано распоряжение стрелять только в ноги. Поэтому убитых не было, а были раненные в ноги, а сколько — установить было трудно. В больницы направлялись только тяжело раненные, а раненные легко, скрывая свои раны из боязни преследования властей, лечились по квартирам. Из тяжело раненных, попавших в больницу чернорабочих, помню двоих: тов. Картаева и работницу Грибкову. У них были перебиты коленные суставы. Они лежали в больнице несколько месяцев. На этом же собрании было решено призвать рабочих к продолжению стачки, чтобы палачам рабочего класса дать знать, что воля рабочих — бороться до конца за свои требования — этим расстрелом не сломлена и что, какие бы меры насилия и разбоя правительством ни предпринимались против бастующих, борьба будет продолжаться вплоть до удовлетворения требований рабочих.

В день расстрела было арестовано около пятидесяти человек. В числе их были и многие депутаты, а также и председатель Совета Ноздрин и секретарь Грачев.

После расстрела 3 июня, с.-д. организацией была выпущена листовка с описанием зверского поведения казаков и с призывом к рабочим продолжать борьбу за свои справедливые требования. Помню, что автором этой листовки был тов. Терентий. Я тогда еще и оригинал этой листовки носил в нашу типографию.

Около этого времени мне пришлось перевозить типографию с одной квартиры на другую. Это было уже во второй половине забастовки. Типография помещалась тогда на одной из улиц рабочего поселка «Хуторово». По конспиративным соображениям ее нужно было перевезти в другую часть города. Ехать приходилось через центральные улицы и через главный мост реки Уводи (Туляковский). Мы поклали весь шрифт в большой мешок, и я взвалил его к себе на плечи, а товарищ-работница взяла другие типографские принадлежности, и мы вышли на улицу. Мешок со шрифтом весил свыше трех пудов; пройдя с ним около поло-

вины улицы, я понял, что мне его до места назначения ни в коем случае не донести. И, действительно, через некоторое время я почувствовал уже, что силы начинают изменять мне, и сообщил об этом спутнице.

В это время мы находились близ городского кладбища у динии железной дороги. С меня давно катился градом пот. Спутница предложила мне пойти к этому кладбищу, чтобы немного отдохнуть там. Когда, подойдя к стене кладбища, я опустил свой мешок на землю, то почувствовал, что нести эту пошу дальше я был не в силах. Поэтому, после непродолжительного отдыха, мы решили взять извозчика. Это было небезопасно. Показывать новую квартиру извозчику и ехать через весь город не следовало. Но иного выхода не было. Мы с большим трудом дошли до первого попавшегося извозчика, свалили на него наш груз и поехали.

Главное неудобство такой езды, кроме всего остального, было еще то, что меня, как депутата и члена Совета, знали рабочие и очень многие из горожан. Поэтому очень часто попадавшиеся нам навстречу пешеходы, видя меня на извозчике с мешком и с незнакомой дамой, здороваясь, недоумевающе смотрели нам вслед, переговариваясь между собою. А на Туляковском мосту нам встретилась большая компания, среди которой оказалась группа хорошо знающих меня рабочих, которые стали было спрашивать, откуда и куда я еду. Я крикнул извозчику, чтобы он погонял, и, не отвечая на вопросы, мы уехали. Не доезжая некоторого расстояния до квартиры, мы расплатились с извозчиком и с большим трудом, наконец, добрались до места назначения.

Новая квартира находилась на Сенной улице, против фабрики Бурлыгина. Такое путешествие, проделанное днем, на виду у всех, не внушало, конечно, никакой уверенности в прочности новой квартиры; и мы думали, что, вероятно, придется в самое ближайшее время снова для типографии подыскивать квартиру. Однако наши наблюдения в течение довольно продолжительного времени никаких тревожных признаков, указывающих на опасность со стороны полиции, не обнаружили. Квартира эта оказалась вполне надежной. Полиция, повидимому, занималась тогда розыском того, что от нее было далеко скрыто; а что делалось у нее на глазах, под самым носом, — она не замечала.

Первые же дни после расстрела на Талке показали, что настроение в пользу продолжения стачки очень сильно поднялось. Несмотря на сильно чувствовавшуюся голодовку значительной части бастующих, конспиративные собрания депутатов и всех организованных происходили

в лесу очень часто. Устраивались также собрания бастующих, не членов с.-д. организации.

Озлобление рабочих против непосредственных виновников расстрела было учтено властями: палач Кожеловский был удален и заменен Ивановым, исполнявшим должность владимирского полицеймейстера. После этого Кожеловский исчез с нашего горизонта. А по делу о расстреле рабочих производилось расследование, как это было видно из допросов товарищей, попавших под арест во время событий 3 июня.

Дело это было названо тогда «делом по обвинению бастующих рабочих в вооруженном сопротивлении властям и неподчинении законным распоряжениям последних». Чем оно кончилось, — точно неизвестно. Но так как в дальнейшем о ходе его никаких сведений не было нами получено, то было ясно, что никакого дела властям создать против нас не удалось. Наоборот, по имевшимся тогда у нас сведениям о результатах следствия, все данные говорили о виновности Кожеловского в незаконном расстреле безоружных рабочих. Но Кожеловский, конечно, наказанию никакому подвергнут не был, так как расстрел рабочих был им произведен, само собою разумеется, если не по распоряжению, то с полного согласия выше стоящих представителей власти. Дело о расстреле 3 июня расследовалось также неофициально, группой московских присяжных поверенных, представители которой приезжали в Иваново-Вознесенск, опрашивали многих потерпевших рабочих и членов Совета рабочих деп. и собрали большой материал, который устанавливал явное преступление виновников расстрела.

В это время большая часть бастующих, — главным образом та, которая еще имела связь с деревней, — разбрелась по деревням на полевые работы, что несколько облегчало материальную нужду; и только та часть бастующих, которая не имела уже никакой связи с землей, — чисто пролетарская часть, — продолжала чувствовать острую материальную нужду; чем дальше, тем сильнее. Она-то, главным образом, и составляла ту часть рабочих, которая обращалась за помощью в кассу Совета рабочих депутатов.

В городе, кроме казаков, в это время были большие части драгун. Вся эта кавалерия постоянно рыскала по окрестным лесам, разыскивая нелегальные собрания; но накрыть собрание ей почти никогда не удавалось. Они следили за собранием, а за ними следили все бастующие, — и как только замечали опасность, угрожающую собранию, немедленно сообщали об этом. Так продолжалось недели две, в течение которых

в городе были запрещены всяческие скопления бастующих. По истечении этого времени власти снова разрешили собираться на Талке.

Около этого времени я, тов. Н. Грачев и другие от имени Совета рабочих депутатов ходили к фабричному инспектору Полубенину для выяснения отношения инспекции к вопросу об упорной неуступчивости хозяев и о той роли, которую играла инспекция в стачке. В беседе с нами Полубенин говорил, что инспекция, несмотря на все ее желание помочь рабочим, сделать ничего не может; что хозяева имеют законное право не соглашаться на предъявленные им требования, и он предлагал Совету рабочих депутатов подумать о прекращении стачки, так как рабочие сильно изголодались. Он рисовал нам мрачные картины этого голода. Мы отвечали, что такие картинки надо было бы ему рисовать фабрикантам и заводчикам, которые их не знают, будучи сами сытыми, «а мы то их, мол, видим и переживаем сами». Дальше говорил он, что от инспекции несколько не зависит уступчивость или неуступчивость фабрикантов, и что поэтому она совершенно бессильна сделать что бы то ни было в этом отношении. Потом он говорил о психологии толпы, которая сама, мол, не мыслит, а мыслит за нее те, которые ею руководят, и что от них-то и зависит все, давая как-будто этим понять, что прекращение стачки зависит от Совета рабочих депутатов. Видя бесполезность такой болтовни, мы быстро прервали беседу и ушли от инспектора ни с чем.

Собрания на Талке продолжали регулярно происходить в таком же порядке, как было до расстрела. В это время один видный член с.-д. организации, Алексей Лебедев¹ (не помню, был ли он членом Совета; но, как один из видных партийных работников, он почти всегда присутствовал на заседаниях Совета и на всех конспиративных собраниях), предлагал мне организовать захват у одного владельца типографии небольшой печатной машины для партийной типографии. Я сначала обещал выяснить этот вопрос в группе «Северного Комитета»; но там этим заинтересовались мало, и я своего обещания не мог выполнить в короткий срок. А Лебедев настойчиво приставал ко мне, доказывая, что взять машину очень легко. Но я упорно отказывался это сделать до тех пор, пока вопрос этот не будет разрешен центром с.-д. организации. Когда же он был, наконец, там разрешен, то решение было отрицательное, ввиду большого риска и громоздкости этого дела. Лебедев был этим очень

¹ Убит тов. Башмаковым после октябрьских событий 1905 г.

недоволен. Впоследствии скоро выяснилось, с какой целью Лебедев делал это предложение: он оказался провокатором.

На первом собрании после вынужденного двухнедельного перерыва присутствовало около 40 тысяч человек. Несмотря на небывалую продолжительность стачки, настроение было очень твердое. После ряда речей товарищей, решено было стачку продолжать. С этого момента «университет на Талке» возобновил свою работу; снова с импровизированной трибуны полилось свободное, ничем не ограниченное слово политического воспитания десятков тысяч рабочих. Снова в установленные часы ежедневно собирался Совет рабочих депутатов, а вслед за ним открывалось общее собрание, на котором громадная толпа, затаив дыхание, слушала своих вождей, долгими часами говоривших ей о ее вековом рабстве, из которого один выход — борьба на жизнь и смерть со всеми многочисленными врагами, вплоть до полной победы.

Около этого времени группа «Северного Комитета» была переименована в Иваново-Вознесенский Комитет Р. С.-Д. Р. П. В него вошли: Терентий, Дунаев, Ф. Афанасьев («Отец»), М. Фрунзе («Трифоныч»), С. Икрянистов, С. Балашов («Странник»), Мандельштам, я и некоторые другие.

Материальная нужда, вследствие сильно затянувшейся борьбы, с каждым днем становилась острее. И вот для того, чтобы воздействовать на власть и на хозяев и побудить их на уступки, Совет, по предложению городского комитета с.-д., решил устроить демонстративное собрание на площади перед зданием городской управы.

Это было 23 июня. На общем собрании бастующих было решено от имени Совета раб. деп. пойти на площадь и там, в присутствии властей, произнести решительные речи с требованием хлеба, работы и человеческих условий жизни.

За несколько часов до отправки на площадь было устроено конспиративное собрание нашей боевой дружины, в состав которой входил и я, а также и все товарищи, члены с.-д. организации, имеющие оружие. Присутствовало около 30 человек, вооруженных револьверами самых разнообразных систем. Обсуждался вопрос, как должна вести себя боевая дружина на площади, если казаки или другие охранники пустят в ход нагайки или вообще попробуют учинить насилие над толпой. Было решено всем дружинникам по возможности незаметно разместиться сзади казаков. Если последние окружают толпу, то сесть на мостовую и, как только казаки попробуют применить нагайки, — в тот же момент, по

данному начальником дружины знаку, дать залп из револьверов и стрелять дальше, если последуют и дальнейшие соответствующие знаки команды начальника дружины.

На площадь пришли в количестве нескольких тысяч человек и тотчас же были окружены казаками. А мы, дружинники, немедленно разместились сзади казаков. Один из руководителей дал знак садиться, и вся масса собравшихся села на камни мостовой. После этого над нею поднялся Е. Дунаев и, обращаясь к городской думе, с большим подъемом произнес краткую речь, в которой говорил, между прочим, что «мы не можем дальше вести себя спокойно, видя, как голодают наши дети, в то время как виновники этого голода, наши хозяева, владельцы предприятий, будучи сытыми, не хотят пойти на облегчение наших страданий. Мы больше не можем терпеть этого издевательства. Работы! Хлеба! Хлеба или свинца!»

Эта речь произвела на толпу сильное впечатление и очень настроила ее в боевом духе. В ответ на нее отовсюду неслись крики одобрения и ругательства по адресу хозяев. В это время вышел губернатор или вице-губернатор и вступил в переговоры с нами. Он говорил, что хозяева не идут на уступки, — в этом власти не виноваты; и что хозяева не соглашаться на ваши требования имеют законное право, а он, губернатор, заставить их удовлетворить наши требования не может, и что, кроме того, требования слишком велики, и удовлетворить их хозяевам трудно. Но он все же сделает все от него зависящее, чтобы повлиять на хозяев в смысле усиления их уступчивости и проч.

— А теперь, — сказал он в заключение, — вы должны немедленно разойтись, чтобы не мешать правильному движению на улицах.

Казачья дружина все время была в боевой готовности, вооруженные винтовками и нагайками, но вели себя спокойно, не двигаясь с места. Мы, дружинники, сидели сзади казаков на мостовой, крепко сжимая рукоятки револьверов и готовясь каждую минуту начать по команде стрельбу. Но этого не потребовалось. После переговоров с представителями власти было решено площадь покинуть и снова отправиться на Талку. После этого толпа двинулась на Шереметьевскую улицу. Здесь было развернуто красное знамя, мы запели революционные песни и в таком порядке шли до самой Талки с красным знаменем и с пением «Марсельезы», «Дубинушки» и других революционных песен.

Эта демонстрация произвела в городе сильное впечатление. По пути нашего шествия с площади на Талку, на всех прилегающих к Шере-

метьевской улицах, по которой мы шли, присоединялись все новые толпы, и на Талку пришло публики в несколько раз больше, чем было на площади. А на площади, после нашего ухода, мостовая оказалась сильно испорченной: она во многих местах была изрыта и покрыта кучами булыжников, — это рабочие инстинктивно готовились к самозащите на случай нападения казаков.

В этот же день, собравшись на Талке, Совет рабочих депутатов обратился к губернатору с заявлением, в котором, указывая на все усиливающееся озлобление бастующей массы, доводил до его сведения, что сдерживать дальше массу он не в силах и слагает поэтому с себя всякую ответственность за могущие произойти эксцессы. После этого заявления с вечера того же дня начался погром магазинов и лавок; растаскивались, главным образом, съестные припасы: мука, крупа, сахар и проч. Разгромлено также было несколько казенных винных лавок.

Считаю нелишним отметить один довольно печальный факт — сбор «контрибуции» с владельцев мучных и бакалейных лавок. Группа лиц во время погрома лавок ходила по лавкам и собирала с их владельцев деньги, гарантируя, в случае получения определенной суммы, от разгрома. По получении денег получившие на дверях лавки делали мелом крупными буквами надпись, что с владельца данной лавки получен такой-то взнос, и что поэтому лавка эта разгрому не подлежит. Действительно, большинство лавок с такими надписями разгрому не подвергалось. Когда об этом стало известно Совету рабочих депутатов, было вынесено категорическое решение — во что бы то ни стало прекратить это недопустимое явление. Об этом было сообщено на общем собрании, и сбор «контрибуции» был прекращен. Кажется, «сборщики» часть собранных ими денег предложили в кассу Совета для выдачи нуждающимся; но Совет отказался принять эти деньги.

Разъезжавшие по городу казаки, которые должны были преследовать и задерживать виновных в разгроме лавок, вели себя странно. Они почти никого не задерживали и лишь изредка разгоняли собирающихся толпами у лавок рабочих; а нередко и сами ходили в лавки и принимали участие в расхищении товаров.

Один рабочий рассказывал мне следующее: «Мы были в числе нескольких человек в бакалейной лавке. Было уже поздно, и мы в полупотемках набивали себе карманы сахаром и другими продуктами. Вдруг в лавку влетает казак и начинает махать нагайкой во все стороны, а сам стоит на месте. Мы один за другим выбегаем из лавки, а казак

остался там один и довольно долго не выходил. А когда он вышел, мы видели, что у него карманы набиты разными продуктами; держась за них, он сел на лошадь и быстро ускакал. Из этого видно, что казаки часто разгоняли толпы от лавок лишь за тем, чтобы им самим не мешали грабить.

Погром продолжался дня два. Затем, через некоторое время, полицией были произведены обыски, и порядочное количество участвовавших в погроме было привлечено к уголовной ответственности. Но это было уже после окончания стачки.

Стачка тянулась. Владельцы предприятий упорствовали, не идя ни на какие уступки. А некоторые самодуры, как, напр., Мефодий Горелин, Фокины и др., говорили, что лучше выбросить в реку деньги, чем повысить заработок хотя на несколько процентов. Но нашлись и исключения, как владельцы ситцепечатной фабрики Грязнова, которые, наконец, прибавили к заработной плате несколько процентов и пошли на некоторое сокращение рабочего дня и на большую часть требований, относящихся к внутреннему распорядку фабрики, как-то: образование смешанной паритетной комиссии для приема и увольнения рабочих, отмену обысков и проч. Владельцы этой фабрики считались либералами; у них, в общей артельной столовой на фабрике, рабочие во время всей стачки получали каждый день обеды и ужины; но на уступки они в начале стачки также шли туго, — и только с момента возобновления собраний на Талке, после расстрела, они пошли на уступки.

К этому времени уже становилось ясно, что добиться удовлетворения всех требований невозможно, что стачка, ввиду сильного истощения средств у рабочих, долго продолжаться не может, и что нужно добиться удовлетворения хотя бы некоторой части требований, чтобы не разбить созданную стачкой сплоченность и организованность рабочей массы, — поэтому возник вопрос, как быть с грязновцами, стать ли им на работу или нет.

Этот вопрос на собрании Совета рабочих депутатов вызвал большой обмен мнений. До этого момента для нас, руководителей стачки, было ясно, что с отдельными фабрикантами на переговоры идти нельзя, что вести переговоры с владельцами предприятий Совет рабочих депутатов может только от имени всей массы бастующих с представителями всех хозяев, дабы не разбить общей солидарности бастующих. Этого правила Совет придерживался все время. Некоторые грязновцы-депутаты высказывались за то, чтобы Совет разрешил им стать на работу.

— Этим, — говорили они, — мы вызовем раскол среди хозяев, ибо когда наша фабрика будет пущена, то остальные фабриканты, из боязни потерять заказы, могущие перейти с их фабрики на нашу, скорее сами пойдут на уступки.

Большинство же Совета высказывалось за то, чтобы тактику не изменять. Пусть грязновцы продолжают бастовать до тех пор, пока не пойдут на уступки и остальные фабриканты. В этом духе и было принято решение, которое было утверждено в тот же день общим собранием бастующих. Грязновцы должны были вместе с остальной массой рабочих продолжать стачку еще некоторое время; но вопрос этот, по их настоянию, вскоре же был пересмотрен и перерешен в обратном смысле. Грязновцам было разрешено стать на работу, с обязательством, однако, делать некоторый процент отчисления из заработка в пользу продолжающих бастовать, что они и делали аккуратно.

Через несколько дней были вывешены и на других фабриках объявления о некоторых уступках в виде небольшой прибавки к заработной плате. Перед Советом стал вопрос о прекращении стачки. Для нас, депутатов, стало ясно, что продолжать борьбу невозможно. Мы хорошо понимали ничтожность эконом. завоеваний стачки; зато ее воспитательное значение, моральное и политическое, было огромно. За два с половиною месяца «университет на Талке» настолько двинул вперед классовое самосознание широких рабочих масс, что они в этом отношении стали совершенно неузнаваемы. Учитывая все эти обстоятельства, — числа около 25 июля Совет рабочих депутатов постановил стачку прекратить. На общее собрание в этот день явилось около 40—50 тысяч человек. После оглашения постановления Совета, общее собрание одобрило его. Было решено на другой же день в организованном порядке, всею массой, приступить к работам в полном сознании своей победы, — «не разрозненно, не как побежденные и разбитые, а как победители, вполне сознающие силу своей солидарности и организованности». Затем с пением революционных песен это последнее общее собрание на Талке в бодром, приподнятом настроении разошлось.

Экономические достижения стачки были: повышение заработной платы (на разных фабриках и заводах разное, но не свыше 20% заработка) и некоторые улучшения санитарных условий, как устройство прачечных и бань там, где их не было, и упорядочение их там, где были; отмена обысков. На фабрике Грязновых, кроме этого, еще — создание паритетной комиссии для приема и увольнения рабочих и служащих и

для улажения конфликтов; уплата за некоторую часть времени забастовки (кажется, в виде одномесячного жалованья). На других фабриках за стачку не заплатили ничего и комиссий не согласились организовать. Кроме того, кажется, еще согласились все фабриканты и заводчики уплачивать небольшую сумму (от рубля до двух в месяц) квартирной платы.

5. А р е с т ы.

После собрания на Талке перед началом работ были устроены собрания рабочих у своих фабрик. Такое же собрание было и у ткацкой и придельной фабрики «Компании». Устроено оно было близ ворот фабрики, у полицейской будки, на широкой зеленой площадке.

Около 11 часов утра собралась уже не одна тысяча человек, когда мы открыли собрание. Руководителями его были С. Балашов («Странник»), А. А. Тарасов, Ф. Колесников, я и другие. Выступали на нем все четверо. Настроение было бодрое; чувствовалось, что публика, в общем и целом, результатами стачки, несмотря на незначительность победы, была довольна. Мы говорили о том, что дала нам только что окончившаяся стачка, чему она нас научила, как мы должны вести борьбу за улучшение нашего положения в дальнейшем и т. д. Во время моей речи в толпе вдруг произошло смятение; она шумно загалдела. Вслед за этим я и трое остальных вышеназванных товарищей были окружены отрядом так наз. «желтых казаков». Оказавшийся между ними «компанийский» полицейский надзиратель Доброворский (впоследствии был приставом), подойдя ко мне сзади и взяв за плечи, крикнул казакам: «Вот этого взять». Потом он указал и на остальных троих, и нас тотчас, окруженных плотным кольцом казаков, повели с собрания.

Толпа, ошеломленная этим внезапным налетом охранников, продолжала волноваться, но сделать ничего не могла. Нас быстро вывели с собрания и повели по направлению к городу; вслед нам по адресу казаков понеслись громкие ругательства. Когда мы находились уже на таком расстоянии, что с места собрания нас не стало видно, казаки начали ругаться, угрожая отрубить нам головы; они обнажили шашки и размахивали ими над нашими головами. Мы шли молча. Казаки продолжали издеваться. Я не выдержал и заметил им, что мы — законные представители рабочих, и что они, казаки, не имеют никакого права нас оскорблять. В ответ услышал еще больше оскорблений, угроз и ругательств. После этого ни я, ни остальные товарищи на все их издевательства уже никак не реагировали. Во всю дорогу, пока нас вели до

городской управы, казаки не прекращали угроз, ругательств и всяческих над нами издевательств.

У входа в здание городской думы казаки остановились. Начальник их отряда пошел в здание, и через несколько минут оттуда вышел казачий вахмистр Колоколов. Тогда товарищ С. Балашов, обращаясь к нему, потребовал распоряжения, чтобы казаки прекратили свои издевательства, и добавил, что иначе мы за себя не ручаемся. Колоколов на это ничего не сказал, а казакам крикнул: «Эй, казаки! Не трогать их ни пальцем! Иначе если я узнаю, что вы что-нибудь позволите по отношению к ним, то будете строго отвечать за это». После этого нас повели к тюрьме, и на этот раз казаки во всю дорогу хранили полное молчание.

В тюрьме нас тщательно обыскали, затем переписали и заперли всех четверых в одну камеру. Это был мой первый арест. Когда дверь камеры закрылась, я стал осматривать помещение. Камера оказалась довольно просторной, с черным асфальтовым полом и грязно-серого цвета стенами; а под потолком у одной из стен было небольшое окошко, откуда проникал тусклый полусвет. У одной из стен были большие нары, занимавшие почти половину камеры; они тянулись от двери до противоположной ей стены. Окошко было с двумя толстыми железными решетками, со стеклянной рамой между ними. В углу стояла «параша». Несмотря на самый тщательный обыск, которому мы были подвергнуты, т. С. Балашов в карманах блузы нашел несколько штук патронов от револьвера, которые не были обнаружены. Патроны немедленно пошли в «парашу».

Через некоторое время мы громко запели революционные песни. К двери камеры подошло несколько конвойных солдат и в маленькое окошечко в двери поочередно стали с большим вниманием и любопытством нас осматривать. Все время, пока мы пели, солдаты стояли и слушали.

Вечером к нам подсадили какого-то «босняка»-оборванца, который самым спокойным образом, как только закрылась за ним дверь, оглядел нас и тотчас же лег на нары, очевидно хорошо ему знакомые, и быстро заснул или делал вид, что заснул.

Обсудив положение, мы пришли к выводу, что этот наш арест полиции не обойдется даром, что наши избиратели-рабочие молчать не будут: слишком уже бесцеремонно он произведен, чтобы рабочие могли с ним примириться. Рассуждая таким образом, мы были почти уверены,

что долго под арестом не просидим, и в совершенно бодром настроении, поздно вечером, мы расположились спать на нарах; но, несмотря на значительное утомление в связи с происшедшими переживаниями, я, не успевший еще как следует заснуть, тотчас проснулся от сильного зуда в спине и боках. Сразу догадался, в чем дело: это были клопы. Почти одновременно поднялись и остальные товарищи. Когда мы зажгли огонь, то оказалось, что нары все, как говорится, кишели клопами. Поэтому так до утра мы и не спали; и только посаженный к нам босняк храпел как ни в чем не бывало. Очевидно, что клопы для него не были новостью и ничего особенного не представляли, являясь одним из обычных условий в его жизни.

Рано утром мы вызвали старшего надзирателя и заявили ему, что мы в таком клоповнике, как эта камера, больше сидеть не намерены ни одного дня и требуем немедленно перевести нас в другую. Он обещал это требование удовлетворить в тот же день и ушел. Через некоторое время нам принесли передачу, в которой оказался чай, сахар и другие продукты. Из этого было видно, что за стеной тюрьмы о нас уже начали заботиться товарищи. Вскоре после этого к нам в камеру пришел старший надзиратель и предложил немедленно выходить из камеры. — Куда? — спросили мы, думая, что нас переводят в другую камеру. — На волю! — ответил он. Мы, недоумевая, вышли, а только что полученную передачу отослали сидящим в других камерах товарищам.

Со двора тюрьмы под конвоем пеших полицейских мы были отправлены в городскую управу. Там нас по очереди вызывал к себе, каждого в отдельности, полицеймейстер Иванов. Когда я вошел, он встал с своего места, спросил мою фамилию, и, когда я назвал, он произнес: — Ага! — указывая на кучу бумаги, лежащую на столе: — Это у вас отобрали вот эти прокламации? — Да, — ответил я. — Откуда вы их взяли? — продолжал он. — Насобирали на Талке, — ответил я снова. — На Талке? — продолжал он. — А кто их распространял там? — Не знаю. — Я вам покажу прокламации! — вдруг закричал он. — А вы на меня, пожалуйста, не кричите! — возвысил голос немножко и я в свою очередь. После этого он, смерив меня глазами, сказал: — Если вы будете бунтовать рабочих и еще раз попадете мне в руки вот с этими вашими прокламациями, то я вам на вашей собственной спине таких прокламаций напишу, что всю жизнь их не забудете! — А вы не страчайте, пожалуйста! — уже спокойнее сказал я, начиная понимать, что меня освобождают. Но он уже не слушал и, садясь на свое место, значительно

тише сказал: — Ступайте, вы свободны! — Я быстро повернулся и вышел.

Такая же приблизительно беседа была у полицеймейстера и с остальными тремя моими товарищами, после чего они также были освобождены. Сбравшись все четверо вместе, мы вышли из городской управы и направились прямо к нашей фабрике, будучи убеждены, что освобождены мы не иначе, как по требованию рабочих. Мы не ошиблись. Когда мы вошли во двор фабрики, там у главной конторы происходило собрание рабочих. Тут были все ткачи и прядильщики от всех трех корпусов фабрики. При виде нас, в толпе раздалось громкое «ура». Настроение толпы было бодрое и радостное. Всюду виднелись веселые лица, улыбавшиеся нам навстречу.

Поблагодарив за товарищескую поддержку, мы рассказали им о всех наших приключениях, а от них узнали следующее. После того, как мы были арестованы, рабочие нашей фабрики решили к работам не приступать до тех пор, пока не будут освобождены их депутаты. 26 июля обе смены ткачей и прядильщиков нашей фабрики, за два-три часа до нашего освобождения, собрались у главной конторы и предъявили это требование директору фабрики инженеру-технологу Волохову, который тотчас сообщил об этом полицеймейстеру. Последний приехал на фабрику и, посоветовавшись с директором, быстро уехал, а в результате всего этого мы были освобождены. Видя эту свою победу, рабочие ясно сознавали силу своей сплоченности и организованности и, наглядно убедившись в этом еще раз на факте нашего освобождения, после двух с половиной месяцев борьбы приступили, наконец, к работам.

Подобные же аресты имели место и на некоторых других фабриках. Так, на ситце-печатной фабрике Куваева член совета тов. Радостин («Монах») и другие в первые дни после начала работ были также арестованы и высланы во Владимир. Отсидев там по месяцу в тюрьме, были освобождены, прибыли в Иваново-Вознесенск и снова поступили на фабрику.

6. Перед октябрём 1905 года.

Несмотря на ничтожные экономические достижения стачки, настроение рабочих после ее окончания, несмотря на тяжелое материальное положение, было бодрое и повышенное. В нем чувствовалось что-то новое, небывалое. Прежняя приниженность и забитость во внешнем виде

рабочего-массовика исчезла, по крайней мере, на добрую половину. Особенно это наблюдалось в отношении рабочих к чинам фабричной администрации. В этих отношениях уже незаметно было низкопоклонства и робости, каковые имели место до стачки. Наоборот, случаи «непочтительных» разговоров и споров рядовых рабочих с табельщиками, подмастерьями, мастерами и даже с управляющими стали обычным явлением. Авторитет «царя и бога» — управляющих, директоров и проч. лиц высшей фабричной администрации сильно теперь пошатнулся; уже не наступает мертвая тишина и суетливая торопливость в отделении при известии, что «директор идет», и незаметно стало трусливого робления рабочей массы перед этими лицами, в виде отвешивания им при каждом появлении поясных поклонов, на которые последние раньше не считали нужным даже отвечать.

Этот бунтарский дух вселили в рабочую массу «университет на Талке» и самая практика борьбы за время стачки. В свою очередь, фабрично-заводская администрация, начиная от самых низших и кончая самым высшими ее представителями, коренным образом изменила свое отношение к рабочим. В разговорах с рабочими, со стороны высших администраторов, уже не заметно стало ни презрительного высокомерия, ни грубых окриков и угроз, составлявших обычное явление до стачки; а о низших и говорить нечего, — эти не только перестали разыгрывать власть, но и всеми силами старались наружно доказать рабочим, что они «такие же рабочие, как и все остальные», что их, как и всех других рабочих, одинаково эксплуатируют хозяева, и что если им и приходится иногда делать неприятности рабочим, так происходит это не по их воле, ибо они «только выполняют распоряжения высшего начальства», сами же стоят всецело на стороне рабочих.

Само собою разумеется, что это была только показная сторона дела. Как высшая, так и низшая администрация, за очень может быть редкими исключениями, по своей психологии осталась прежней; и стоило только измениться настроению рабочих, как они снова показывали свои зубы. Это рабочие очень хорошо понимали и знали хорошо цену этого рабочелюбия; доверия к администрации они, конечно, не питали никакого и ко всем ее заигрываниям относились проницательно.

Члены Совета раб. деп., несмотря на прекращение существования Совета, с момента окончания стачки, как института, фактически продолжали играть роль представителей рабочих. На всех фабриках и заводах рабочие продолжали считать их своими «депутатами» и попреж-

нему доверяли им, во время всяких мелких конфликтов с администрацией, выступать в качестве своих представителей; а фабрично-заводская администрация так же, как и во время стачки, мирилась с этим фактом.

Полиция, после неудачной попытки нашего ареста, также не особенно беспокоила депутатов.

В состав городского комитета с.-д. организации, который еще во время стачки был организован взамен упраздненной группы «Северного Комитета», в это время входили: Ф. Афанасьев («Отец»), С. Балашов («Странник»), С. Икрянистов («Тезка»), интеллигент Федор Иванович (фамилию не знаю), М. Фрунзе («Трифоныч-Арсений»), А. С. Бубнов («Химик»), я и некоторые другие. Работа организации в этот период (между моментом окончания стачки и октябрьскими событиями) выражалась главным образом в усиленной организационной деятельности, в устройстве массовок и митингов-летучек, в распространении нелегальной литературы (главным образом листовок) и в устной агитации всех членов организации всюду, где представлялась к тому хотя малейшая возможность.

Массовки устраивались почти каждый праздничный день, а иногда и в рабочие дни, и на них всегда приглашалось, кроме членов организации, много сочувствующих; поэтому в то время они были очень многослюдны. Выступали, кроме партийных профессионалов-интеллигентов, и многие рабочие. Затягивались они почти всегда далеко за полночь. В прохладные ночи прибывшая на массовку публика почти всегда зажигала костры, рассаживалась вокруг них и долгими часами слушала ораторов. Настроение на массовках в это время всегда создавалось приподнятое: каждый чувствовал силу коллектива, объединенного одним стремлением; и здесь, в лесу, вдали от бдительной охраны порядка, всякий чувствовал себя совершенно свободным. Это сознание всей полноты свободы, в промежутки между речами ораторов, собравшиеся проявляли во всех видах: пели революционные песни, стреляли залпами из револьверов и т. п., хотя шум этот не всегда сходил благополучно.

Однажды, в сентябре, в лесу «Жары», вправо от большого Лежневского тракта, народу собралось особенно много. Поэтому настроение было, можно сказать, прямо боевое. После одной особенно горячей речи наша боевая дружина произвела несколько револьверных залпов, которые произвели сильное впечатление на собравшихся и еще сильнее подняли настроение. После этого громко запели революционные песни. Вдруг через несколько минут пришли наши патрули и сооб-

щили, что от города наступают казаки. Настроение сразу изменилось. Что делать? Быстро было решено отступить в деревню Воробьево. Однако публика разбилась по разным направлениям: одни попали в Воробьево, другие в соседнюю же деревню Глинищево, а часть пошла прямо в город через поле, в надежде, что в ночной темноте удастся проскользнуть мимо казаков. В результате многие из последних попали как раз на казаков и были изрядно побиты нагайками. Остальным же всем удалось благополучно этого избежать. Впоследствии выяснилось, что казаки приехали на выстрелы: не будь их, массовка окончилась бы благополучно. Были и другие случаи нападения казаков на массовки; но все они кончались сравнительно благополучно. Казакам за этот период ни разу не удалось атаковать массовку внезапно, чтобы устроить массовое избиение и аресты, как это случалось раньше и позднее этого периода.

Митинги-летучки устраивались в момент выхода рабочих с фабрик и заводов. Делалось это так: назначенный для выступления товарищ отправлялся к воротам фабрики или завода и ждал, когда рабочие начинали выходить густой толпой. В этот момент двое или трое других товарищей поднимали первого на руки или на плечи, и он, приглашая рабочих остановиться, произносил краткую речь; затем быстро смешивался с толпой и в большинстве случаев благополучно уходил; а другие товарищи часто тут же распространяли листовки и затем так же быстро смешивались с толпой. Эти летучки очень оживляли настроение рабочих, создавая политические темы для самых оживленных разговоров и споров; а полиции они причиняли много хлопот и беготни. Главное, они устраивались прямо на ее глазах, под самым ее носом, и тем не менее против этого она ничего не могла сделать; а бывали случаи, что рабочие в своей толпе сами скрывали устроителей этих летучек во время охоты на них агентов власти.

В начале сентября в моей деревне, с которой я еще имел тогда связь, произошел характерный случай, ярко рисующий отношение духовенства того времени к забастовочному и революционному движению. Однажды в город приехал мой отец и, волнуясь, рассказал нам с братом о том, что наш приходский священник Дмитрий Капуцынский из села Лежнева, после крестного хода, который бывал ежегодно в деревне в это время, по окончании молебна произнес перед мужиками погромную проповедь, в которой недвусмысленно призывал их расправиться со всеми забастовщиками и революционерами и назвал наши с братом имена, чем очень, как это казалось отцу, враждебно настроил против нас мужиков.

После проповеди, моя мать имела объяснение со священником, указывая ему на недопустимость такой агитации против нас. Последний оправдывался, говоря, что ничего плохого он не сделал и никого против нас не натравлял. Сообщив эту историю, отец очень советовал нам на праздник на этот раз в деревню не приходить. Но мы все же решили идти, — и когда пришли, то встретили еще несколько товарищей из соседних деревень, которым и рассказали о погромной проповеди священника. Из первых же наших бесед с отдельными мужиками стало ясно, что последние ничего и не думали замышлять против нас. Видя это, мы все время вели себя в деревне совершенно свободно; пели революционные песни, и никто из мужиков не сказал нам ни слова; а некоторые даже приглашали нас в дом, чтобы угостить.

Незаконная литература, листовки и мелкие брошюры в это время распространялись в большом количестве. Распространяли не только путем разбрасывания на предприятиях и в рабочих кварталах, а нередко и прямо путем раздачи по рукам совершенно открыто, когда рабочие, окончив работу, выходили с фабрик по вечерам, или в тех местах, где они, идя с разных предприятий, сходились на одной дороге, образуя особенно густую толпу, например, около оврага, где сходились дороги с фабрик Компаньинской, Полушинской, Горелинской, Дербеневской и др. В этом месте часто совершенно свободно можно было распространять «незаконницу» в течение довольно долгого времени. Рабочие с удовольствием брали ее, складывали и быстро прятали в карманы с тем, чтобы, придя на квартиры, тотчас же прочитать.

7. Октябрьские события 1905 года.

Манифест 17 октября 1905 г. застал меня в больнице чернорабочих, куда я, внезапно заболев, был отправлен за несколько дней перед его появлением.

Утром 18 или 19 октября дежурный фельдшер Дьяченко пришел ко мне в палату с сияющим лицом, в руках газета.

— Ну, поздравляю вас с конституцией! — сказал он, обращаясь ко мне. — Наконец, дожили, мечты претворяются в действительность!

Я поднял на него недоумевающие глаза и спросил, в чем дело. В ответ он подает газету «Русское Слово» и говорит: — Читайте! — Я беру газету и быстро читаю царский манифест, в котором царь оповещает своих подданных о «неслыханной смуте» в стране и о «дарова-

нии им населению гражданских свобод», о созыве доверием народа облеченных народных представителей и проч. Помолчав несколько секунд, спрашиваю Дьяченко: — А что это по вашему значит? — Как что значит? — говорит он: — Разве вы не понимаете, что у нас нет уже самодержавия? Царь сам отказался от него и дает конституцию.

— Ну, — говорю я, — это еще бабушка надвое сказала, дает или нет царь конституцию; во всяком случае «дать» ее он может, только уступая силе. И теперь вот важно знать, насколько велика и устойчива та сила, которая вырвала у царя этот манифест. В нем говорит он о неслыханной смуте, которая заставила его пойти на этот шаг. Отсюда ясно, что стоит только этой «неслыханной смуте» немного успокоиться, как тотчас же все посулы царского манифеста потеряют всякое реальное значение. Лишь в том случае они могут иметь практический смысл, если революция, или, как ее называет царь в своем манифесте, неслыханная смута, не пойдет скоро на убыль.

Но он, возразив что-то, ушел в другие палаты. После ухода фельдшера для меня стало ясно, что в стране произошло что-то, до сего времени небывалое. «Повидимому, революционная волна поднялась на высоту, до этого момента небывалую, — соображал я, — поэтому нам, с.-д., необходимо быть настороже и во всеоружии, чтобы не дать себя поймать ни на какие удочки, которые непременно будут расставляться врагам». Я решил в этот же день из больницы уйти и принять участие в партийной работе. Врач говорил, что необходимо еще полежать несколько дней; но в такой момент оставаться в больнице я больше был совершенно не в силах и настоял, чтобы меня выписали в тот же день.

Перед выходом из больницы, я зашел в хирургическое отделение, где лежал рабочий В. Г. Каратаев, тяжело раненый в ногу на Талке 3 июня, во время расстрела рабочих. У него была раздроблена кость коленного сустава. Когда я вошел, он лежал на койке кверху лицом, вытянув ноги. Простреленная нога была забинтована и лежала на особой деревянной подставке. Он был бледен, как писчая бумага. Лицо страшно осунулось. Глаза блестели нездоровым, лихорадочным огоньком. Лежал он в таком неподвижном положении еще с самой доставки его в больницу. За это время он перенес несколько тяжелых операций, обессиливших его до крайней степени; а нога все еще болела, отнимая последние силы. В беседе с товарищем Каратаевым я высказал свое мнение о манифесте. Он соглашался со мной, и беседа эта его несколько оживила. На бледном, измученном лице его показалась слабая улыбка.

Когда я вышел на улицу, всюду было уже заметно особенное оживление. Чувствовалось праздничное настроение. Часто встречались отдельные лица и группы с веселыми лицами, с газетами в руках оживленно беседующие на тему о небывалом событии. Вскоре я пошел в городской комитет с.-д. и там встретил тов. Н. Колотилова («Лапу»), который только что прибыл из ссылки, и еще двоих молодых товарищей-интеллигентов. Все высказывали одно и то же убеждение, что, наконец, настал и на нашей улице праздник. Высказывалось мнение, что правительство теперь с нами справиться не может, что революция неизбежно пойдет дальше царского манифеста и сметет монархию без остатка.

На другой день вечером был устроен первый большой митинг на площади перед клубом так называемого театра «Господ приказчиков». Присутствовало много тысяч как рабочих, так и прочих граждан, и над собравшимися развевались красные знамена; а зажженный у входа в клуб фонарь был обернут в красную материю. Кругом повсюду бросался в глаза ярко-красный цвет платочков на головах женщин и девушек-работниц и бантиков на костюмах присутствующих на собрании. Настроение было небывало радостное и торжественно-праздничное. Председателем митинга был избран старейший член с.-д. партии, член городского комитета тов. Ф. Афанасьев («Отец»). Открывая собрание, он с дрожью в голосе, между прочим, говорил, что затрудняется выразить словами те радостные чувства, которые он переживает в данный момент, будучи удостоен столь великой чести быть председателем первого свободного митинга свободных граждан. Десятки годов он ждал этого счастливого момента и наконец дождался уже на старости лет.

После него говорил Павел Павлович, партийный интеллигент-профессионал, а затем выступали и другие товарищи. Митинг прошел с большим успехом и поднял настроение присутствовавших до небывалой высоты. На другой и на следующие дни по улицам ходили громадные толпы демонстрантов с красными знаменами; на всех важнейших пунктах — на перекрестках и площадях — толпы останавливались, и партийные агитаторы произносили речи. На одной из таких остановок, тов. Федор Иванович очень горячо убеждал в том, что самодержавия уже больше нет, что оно рухнуло, и что все теперь свободные граждане. Он так же, как и мы все, не предвидел тех событий, которые произошли через несколько дней после этого и на деле убедили нас как раз в противоположном.

Проходя мимо казарм, многие товарищи, как Мякишев¹ и другие, обращаясь к солдатам, произносили горячие речи, призывая их не идти против восставшего народа, если бы начальство вновь, как прежде, приказало стрелять в него. Солдаты в большинстве случаев слушали, не двигаясь с места, стоя как изваяния, и загадочно молчали. Молчали и их начальники, начиная от высших и кончая самыми низшими. И непонятно было, заставляло ли рядовых солдат молчать присутствие начальства, стеснявшее их, или же это их поведение объяснялось темнотой и непониманием смысла этих речей. Так или иначе, но в большинстве случаев солдаты не принимали участия в происходящих событиях.

И в демонстрациях принимали участие, кроме организованных с.-д., главным образом, рабоче. Вначале на фабриках элемент наиболее обеспеченный (подмастерья, граверы, раклисты и проч.) относился к событиям определенно отрицательно. — Зачем нам ваша политическая свобода? — говорил мне однажды один ткацкий подмастерье: — Бастовали мы два с половиною месяца, изголодались до невозможности, а вы снова нас тащите на улицу! — Возражать ему было бесполезно, ибо он принадлежал к тому консервативному слою, которому привилегированное материальное положение диктовало этот консерватизм. И этот элемент сыграл в революции 1905 года одну из предательских ролей.

Числа около 20 октября были освобождены из тюрем некоторые из арестованных товарищей. В их числе и тов. Григорий (Мандельштам). Утром 22 октября партийным комитетом был назначен у городской управы митинг. Перед тем как пойти на митинг, на заседании комитета между нами, членами его, были распределены темы для выступления. Я взял тему «о безработице». Когда мы пришли на площадь, она уже была вся занята народом; развеялся лес красных знамен и среди них одно черное с надписью: «Слава павшим борцам за свободу». Говорили товарищи С. Балашов («Странник») и тов. Григорий (Мандельштам). Мне говорить не пришлось, так как после названных товарищей встал на трибуну вышедший из городской управы помощник полицеймейстера Добротворский и начал говорить о том, что никакие беспорядки полицией допущены не будут, упоминал имя «государя императора» и в заключение потребовал, чтобы мы покинули площадь.

После этого мы решили пойти к тюрьме, в местечко Ямы (так назывался один из пригородов, населенный главным образом рабочими).

¹ Убит на восточном фронте.

чтобы потребовать освобождения еще находящихся там политических. Вся масса с пением революционных песен двинулась через Приказный мост по Соковской улице к тюрьме. По пути значительная часть публики, однако, начала отставать, и на тюремную улицу пришли немногие, — главным образом члены с.-д. организации. На некотором расстоянии от тюрьмы, нам преградил дорогу отряд казаков (желтых астраханцев), выстроившись в шеренгу. Мы остановились; с нашей стороны тотчас же пошли на переговоры к казакам два «парламентера», т.т. Павел Павлович и Ф. Афанасьев («Отец»). После переговоров, тянувшихся минут 30—40 между казаками и нашими парламентарями, во время которых Павел Павлович называл казаков самыми злейшими врагами нашими, нам стало ясно, что казаки решили тюрьму защищать, и что договориться с ними нам тут не удастся.

Мы решили идти на Талку, чтобы там провести митинг; но по пути к Талке, переходя через Шереметьевскую улицу, натолкнулись на «патриотическую манифестацию», которая двигалась от центра города по направлению к вокзалу. Манифестация эта имела такой вид: по улице шла разношерстная толпа человек около сотни, оглушительно редела и кричала «ура». Впереди несли портрет Николая II, а сзади, на расстоянии нескольких шагов от толпы, двигался отряд вооруженных казаков. При виде такого зрелища в наших рядах произошло некоторое замешательство: видя вооруженных казаков, наши демонстранты кинулись в разные стороны; а часть манифестантов, вместе с казаками, кинулась за убегающими. В результате у нас было отнято одно из знамен, и некоторые из наших получили удары нагаек и кулаков. После этого столкновения на Талку пришла уже кучка всего в несколько десятков человек, исключительно членов с.-д. организации.

На Талке мы не успели дать себе ясного отчета в происшедшем, как со стороны станции, быстро двигаясь прямо на нас, показалась толпа черносотенцев, с отрядом казаков в арьергарде. Мы быстро перешли Талку по узенькому мостику и сгруппировались на другом берегу, у лесной сторожки; а толпа черносотенцев, вместе с казаками, остановилась на противоположной стороне, как раз против мостика. В это время из нашей группы, как и у Ямской тюрьмы, быстро выделились те же товарищи, Павел Павлович и Ф. Афанасьев, в один момент перешли через мостик и очутились вблизи казаков и черносотенцев. Это произошло так быстро, что для меня было совершенно неожиданно. Никто из нас и не ставил вопроса о посылке на этот раз парламентарей, и названные

товарищи пошли сами, но справившись, как на это смотрят другие. Все мы с напряженным вниманием стали смотреть, что произойдет с нашими парламентарями.

А произошло вот что: Едва они очутились на другом берегу, как в ту же минуту были окружены толпой в два-три десятка черносотенцев, которые без всяких разговоров с дикими криками накинулись на них и начали их избивать. Была только толпа; а казаки, выстроившись в полукруг около этой шайки негодяев, избивающих двух безоружных людей, одобрительно покрикивали по адресу толпы. Через несколько минут «Отец» уже лежал на земле, а Павел Павлович, каким-то чудом выравшись из кольца погромщиков, стремительно прибежал на нашу сторону. Вслед за этим казаки повернули лошадей и быстро двинулись обратно по направлению к станции жел. дор., а вслед за ними скрылась и вся толпа черносотенцев.

У Павла Павловича оказалась сильно разбита голова; из виска текла кровь; и он был весь окровавлен. А «Отца» мы подняли уже мертвым. Когда его принесли к сторожке, выяснилось, что у него пробит череп тупым орудием. Павлу Павловичу была оказана медицинская помощь, кажется, фельдшером ближайшей фабрики Витовых; а труп «Отца» был отнесен в лес.

Мы разошлись в город, когда уже стемнело. Это был очень тяжелый момент. Стоя на противоположном берегу от места избияния товарищей, мы чувствовали непреодолимое желание кинуться им на помощь. Но в то же время было совершенно очевидным наше бессилие против вооруженного отряда казаков. У нас было всего два-три револьвера, из которых при том расстоянии, которое отделяло нас от казаков, невозможно было попасть; в то время казаки из винтовок без промаха могли перестрелять нас всех. Невыносимо мучила кипевшая в нас бессильная злоба; в особенности сильно волновался М. В. Фрунзе («Трифоныч-Арсений»). Он, все время держась за рукоятку револьвера, покушался кинуться к мостику, чтобы подоспеть на помощь товарищам; но все считали это безумием и, преградив ему дорогу, всеми силами удерживали от этого шага, который послужил бы непременно лишь причиной новых тяжелых потерь.

С Талки я попал к себе на квартиру и, после всего пережитого за этот день, сильно волновался и плохо спал в эту ночь. Утром 23 октября, выйдя из квартиры, я, вместе с несколькими товарищами, направился на площадь к городской управе, где, по полученным нами сведениям, происходило собрание монархистов. Не доходя до улицы Пески, мы

увидали «патриотическую манифестацию», которая двигалась через Туляковский мост нам навстречу. Во главе манифестации шла толпа попов с крестами и кадилами; а над ними развевались церковные хоругви и несколько больших трехцветных национальных флагов. Видны были также иконы и портрет Николая II. В петлицах у всех манифестантов виднелись белые бантики. Попы здоровенными голосами пели церковные и патриотические гимны вроде «Спаси, господи, люди твоя», а остальная толпа драла глотки и орала на все лады: «ура», «боже, царя храни» и т. д.

Не успели мы выйти на Пески, как манифестация, пройдя мост, повернула на Георгиевскую улицу, и двинулась по направлению к управе. Мы повернули за ней, чтобы узнать, что эта черносотенная рвань будет там делать. Но на Георгиевской улице группа товарищей сообщила нам, что на площади происходит избивание депутатов, евреев и забастовщиков, а также всех тех, кто заподозривался в соучастии им, и всех, кто только не имел белых ленточек в петлицах. Поэтому товарищи настоятельно предложили нам вернуться обратно.

С площади в это время доносился дикий вой и крики, похожие на стоны избиваемых. Мы повернули обратно на Голодаиху (тот рабочий квартал, где я тогда жил). Хозяйка квартиры встретила меня известием, что ищут депутатов и, когда находят их на квартире, то избивают не только их самих, но и хозяев квартиры за то, что они их держат на квартире. Поэтому она, вся дрожа от страха, просила, чтобы я ушел, пока все успокоится. Я вышел и направился на одну из главных улиц этой части города, Новодмитриевскую. Здесь теперь уже отовсюду слышались крики и вой черносотенцев, производящих погром и избивание всех, кажущихся им подозрительными. И происходило это все с благословения и участия духовных и полицейских властей, под охраной казав.

Положение было серьезное. Застал нас этот погром врасплох. Мы не были к нему подготовлены; поэтому многие из нас не знали, кто где находится. Я и некоторые другие товарищи только позднее узнали, что значительная часть нашей руководящей партийной публики в наиболее острый момент погрома группировалась на «Сахалине» (один из прыгородов). Ввиду крайней неожиданности событий, с.-д. организация сопротивления никакого оказать не могла. Не зная куда идти и где искать товарищей, мы с товарищем Лаврентьевым («Корейцем») с Новодмитриевской улицы решили отправиться в деревню Дьяково, где тогда было

несколько человек, входивших в состав с.-д. организации, и куда нередко ходили мы по праздникам. Придя туда, мы встретили там всего лишь двух-трех из них, которые были также в полном неведении о том, где остальные товарищи. Известно было только, что происходит в городе никогда не бывалые погром и избиения, и туда идти они не собирались; а что делать — не знали.

Здесь мы с товарищем Лаврентьевым переночевали, и утром 24 октября снова отправились в город, решив выяснить, как там обстоят дела. По пути нам встретились несколько бедных из города крестьян, которые сообщили очень тревожные вести о продолжающемся погроме и избиениях. Помню, один из таких встречных, в ответ на наши вопросы, с нескрываемой радостью говорил о том, что теперь, мол, уже всех забастовщиков и депутатов перебьют и переловят: «Наконец-то взялись за них как следует! Давно бы так нужно было!» и т. д.

Было видно, что он если не погромщик, то кулак, сочувствующий черносотенцам.

Чем ближе мы подходили к городу, тем более тревожные вести слышали от встречных. Вот уже показался город, и наш слух уловил хаотический шум и гул, доносящийся оттуда. Не доходя до первых, окраинных улиц, мы повернули вправо и, через ярмарку, двинулись в пригород Глиншицево, к товарищу Сычу, который там жил в это время. Сыч был дома. Он сообщил, что погром в городе продолжается, и что громилы ходят по квартирам и разыскивают «депутатов» и «забастовщиков»; но что «публика наша», кажется, вся поскрывалась, и, по его сведениям, жертв больших нет. Сам он ночевал в своей квартире; по его словам, квартира его мало кому известна; он предложил нам остаться у него. Мы просидели у Сыча до вечера, а вечером все же пошли в город и разошлись каждый на свою квартиру.

Были уже густые сумерки, когда я пробирался через окраины на свою Голодаиху. Шум в городе стал несколько тише, но дикий вой и рев погромщиков от времени до времени еще слышался. На Новодмитриевской улице, у одной из «казенок», я наткнулся на большую толпу. В центре ее какой-то тип пьяным, осипшим голосом во всю глотку орал:

— Кто наживает миллионные капиталы, ничего не делая? Еврей! Кто грабит рабочих и крестьян? Еврей! Кто подбивает рабочих на забастовки и бунты против царя? Еврей, депутаты и забастовщики!

Окружающая его пьяная толпа глухо и бессмысленно галдела на все лады.

На других улицах видны были подобные же толпы; но мне удалось пройти благополучно. На квартире хозяйка рассказала, что за мной вечером и ночью приходили толпою погромщики и требовали, чтобы она сказала, где я нахожусь, угрожая в противном случае жестоко с ней расправиться. Поэтому она, как и в первый раз, очень просила меня куда-нибудь как можно скорей уйти. Но идти было некуда, и, несмотря на все ее просьбы, я остался почевать на квартире, решив, в случае нападения, защищаться чем понало и живым в руки не отдаться. Но на этот раз за мной уже не пришли, и я провел ночь сравнительно спокойно; только хозяйка не спала всю ночь, ожидая «гостей», чтобы предупредить меня в случае опасности. Утром 25-го в городе было уже спокойнее; но в отдельных местах погром продолжался, и я решил отправиться в свою деревню. На этом очень настаивал отец, приехавший тогда из деревни, и мы с товарищем Ф. Колесниковым отправились в деревню.

Деревня тогда была полна самых фантастических слухов о событиях в городе. То, что рассказывали об этих событиях ездившие в город мужики, при пересказах здесь выливалось в самые причудливые формы. Мужики, приехавшие из города, передавали, что там ловят и убивают «политиканов», и только тех из них отпускают, на которых есть крест, а без креста убивают всех, и за это ничего не бывает. А бабы уже дальше разносят, что «в городе убивают каких-то «поликарпов» за то, что они снимали с себя кресты» и т. д. А что за политиканы и поликарпы? Зачем они сняли с себя кресты? И кто их ловит и убивает? Об этом никто ничего не знает. А когда я разяснял мужикам всю эту путаницу, то многие начинали соглашаться: «Да, мол, да! Это ты правильно говоришь!» Другие же просто слушали, раскрыв рты, и, что называется, ни в зуб толкнуть ничего не понимали. Да и те, что соглашались и поддакивали мне, как только расходились, так тотчас же и принимались снова те же нелепые слухи и слетни распространять.

Так темна и невежественна была тогда наша деревня. Объяснялось это непроходимое невежество тем, что все население деревни почти поголовно было безграмотно, так как ближайшая к деревне школа находилась на расстоянии 7 верст. И, однако, несмотря на это, погромного настроения в деревне не было. Мужики и бабы, болтая всякую чушь о погроме и избиваниях, сами в общем никакой агитации против «политиканов» и депутатов не вели. Это объяснялось тем, главным образом, что во всей деревне из 18 домов не было ни одного сколько-нибудь зажиточ-

ного крестьянина. Все поголовно были бедняки, не имеющие возможности прожить без заработка на стороне, и почти из каждого дома кто-нибудь, а иногда и несколько человек, постоянно работали на фабриках. Поэтому, несмотря на всю темноту, психология у мужиков была полупролетарская; они инстинктом чувствовали, что «политиканы» и депутаты-забастовщики по меньшей мере им не враги.

Отсутствие погромного настроения объяснялось отчасти и тем, что не было там никаких заезжих агитаторов, мастеров погромных дел, которые, пользуясь темнотой мужиков, могли бы хотя временно сбить их с толку, что имело место в некоторых других деревнях, о чем речь будет ниже. Деревня наша была тогда вполне надежным местом, где мы с товарищем Колесниковым отсиживались, пока миновал острый погромный момент. В городе это длилось около недели. В деревне за все время нашего пребывания мы чувствовали себя вполне свободно и жили спокойно. Отношение к нам крестьян все время было хорошее.

Когда были получены из города успокоительные сведения, мы немедленно отправились туда, и здесь я узнал о происшедших за время моего отсутствия событиях следующее. Погром был заранее организован при участии властей и духовенства. В числе руководителей-погромщиков были: торговец мясом С. Мужжавлев; известный вор и конокрад, Григорий Шахнин, священник Крестовоздвиженской церкви Александр; далее, Андрей Селивановский, член городской думы и ряд других торговцев и попов. Духовенство в подавляющем большинстве было открыто на стороне погромщиков и принимало самое активное участие во всех патриотических манифестациях; оно служило молебны «о даровании победы государю императору над внутренним врагом» и произносило в церквях и на собраниях погромные речи. Таковы были руководители погрома. А рядовая «шпанка» вербовалась из ломовых извозчиков, мелких лавочников, всякого рода босяцкого отребья, мелких воров и жуликов и лишь некоторого, очень незначительного, процента самых отсталых и невежественных рабочих, да части наиболее материально обеспеченного фабрично-заводского элемента мастеровых и лиц фабричной администрации.

Организовалась вся эта рвань, как я уже говорил, с благословения и при энергичной поддержке полиции и духовенства, согласно полученных свыше директив, но заранее выработанному высшими властями все-российскому плану. Поэтому громили, будучи уверены в полной безнаказанности за свои действия и не встречая никакого с нашей стороны

сопротивления, проявляли большую решительность и дошли до такой наглости, что решили остановить фабрики и заводы.

Для партийной организации погром был большой неожиданностью. А для широкой беспартийной массы рабочих неожиданность эта была особенно велика. Поэтому, когда толпы погромщиков начали врывать на фабрики и заводы, большинство рабочих было застигнуто врасплох, в первое время совершенно растерялось и не смогло оказать погромщикам почти никакого сопротивления, тем более, что последних почти везде сопровождали отряды казаков. Большинство фабрик и заводов было действительно остановлено, и многие члены с.-д. организации, не успевшие своевременно скрыться, были избиты черносотенцами. Так, например, на ситце-печатной фабрике Грязнова были избиты два товарища—Зубков и тов. по кличке «Гапон», при чем одного из них ударил обухом бывший член с.-д. организации, потом ставший провокатором, некий В. Дерюсин¹ (по кличке «Окаянный»), игравший в погроме роль одного из руководителей.

Подобного же рода случаи избиений имели место и на некоторых других предприятиях. При этом почти всегда в отыскивании забастовщиков и депутатов погромщикам помогала и некоторая небольшая часть рабочих, состоящая главным образом из материально наиболее обеспеченного элемента и лишь из очень незначительной части особо отсталых и невежественных рядовых рабочих.

Небезынтересная история произошла с товарищем Казуевым. Товарищи отец и сын Казуевы в пригороде Боголюбовская слободка, бывшая, кстати сказать, одним из главных мест наших конспиративных собраний, явочных квартир и т. п., — имели свой домишко и, кроме того, мучную бакалейную лавочку. Полиции Казуев-отец был давно известен как один из опаснейших революционеров. Поэтому погромщики одною из своих жертв наметили и Казуева. Днем числа 23—24 октября, т.-е. в самый острый момент погрома, большая толпа, под охраной казаков, двинулась в Боголюбовскую слободку. Лавочка у Казуева в этот момент была открыта. Казуев-отец находился в ней. Приближающихся погромщиков он заметил еще издали и сразу же понял, что они идут к нему; решил в случае нападения защищаться всеми средствами.

Когда погромщики были в нескольких стах шагах от лавочки, он, засучив рукава и засунув руки в карманы пиджака, вышел на крылечко

¹Расстрелян как провокатор.

и закричал им: — Ну-ну, подходите! подходите! посмотрим, чья возьмет! Будем защищаться всем, что у нас имеется! Все пустим в ход: оружье, бомбы и проч. Подходите! подходите! — На его крики тотчас же из всех соседних домишек вышли кучками жители и с любопытством наблюдали за происходящим. Заметив это, Казуев закричал им: — Эй, соседи, уходите вы; уходите скорей! Иначе могут быть невинные жертвы! — Услышав эти крики и видя решительное, возбужденное лицо Казуева, погромщики, не дойдя на порядочное расстояние до лавочки, остановились в нерешительности, а потом некоторые из них начали утекать «до греха».

Видя это, казаки поехали вперед, и начальник отряда крикнул Казуеву, чтобы он не боялся, что погрома он не допустит, а только произведет у него обыск. Казуев ответил, что обыск пускай производит; а если будет погром, то он будет защищаться «до последней капли крови». После этого казаки вошли вместе с самим Казуевым в лавочку и потребовали, чтобы он указал, где находятся бомбы. Он ответил, что бомб у него нет. — Как нет? Ты ведь сейчас кричал, что будешь кидать бомбы? — возразил начальник отряда. — Так и нет, — ответил Казуев, — а если не верите, то ищите. — Казаки обыскали весь дом, но не нашли не только бомб, но вообще ничего такого, что могло бы хоть сколько-нибудь скомпрометировать Казуева в их глазах. В результате, после составления протокола, казаки вынуждены были уехать ни с чем.

В лавочке Казуева в момент этих событий находился тов. Г. Гнедин. Эта история произошла на его глазах, и он, как очевидец, передал мне все вышеизложенное. К нему также придрались было казаки с вопросами о том, кто он и как попал в лавочку. Когда он ответил, что зашел случайно, чего-то купить, его оставили в покое.

В местечке Хуторово толпа погромщиков напала на нескольких товарищей. Части из них удалось ускользнуть, а двое товарищей, В. Морозов¹ и Красильников, были окружены и подверглись избиению. Тов. Красильников, будучи безоружным, был убит насмерть; а Морозов, имея «браунинг» и обладая очень большой физической силой, вырвался и долго бежал и отстреливался; в это время им был убит наповал один из более ретивых преследователей, владелец одной из мучных и бакалейных лавок в этом местечке, по фамилии, кажется, Брюханов или Пузанов. После чего в нападавшей толпе произошло замешательство.

¹ Кличка тов. Морозова — «Ермак».

Вероятно, тов. Морозову удалось бы скрыться; но в этот момент у него уже вышли все патроны, и он перестал стрелять. Сообразив это, черносотенцы кинулись на него с новыми силами, быстро настигли и подвергли самому зверскому избиению: его били сапогами, тптали ногами и били всем, что попадало под руки громилам. После этого, его, страшно окровавленного и потерявшего сознание, полиция сначала отравила в тюрьму (там его еще били), а потом в больницу чернорабочих. Несмотря на его бессознательное состояние во время переезда в больницу, полицейские все время били его палками плашмя и даже били во дворе больницы, перед тем как нести его на койку. Очевидцами были некоторые служащие этой больницы. На больничную койку тов. Морозов был доставлен уже в виде ужасного, сплошь покрытого ранами, не подававшего никаких признаков жизни человека. Такова была та безграничная злоба озверелых слуг царского самодержавия, с которой они расправлялись с руководителями рабочего класса в борьбе за его освобождение. Попасть им в этот момент в лапы было равносильно гибели. Никакой пощады имевшим такую оплошность товарищам не давалось. И наша партийная публика, сознавая свое полное бессилие, ничего лучшего не придумала тогда, как отсиживаться в более или менее безопасных местах, пока пройдет особая острота погромного настроения.

Совершилось, можно сказать, чудо: товарищ Морозов не умер, как ни тяжки были те увечья, которые были ему нанесены. Он в больнице отлежался и даже настолько поправился, что, осужденный в каторгу, пробыл там до революции 1917 года, совершив за это время две серьезные попытки к побегу.

Совершенно разгромлено было несколько аптек и ювелирных магазинов, принадлежащих лицам еврейского происхождения (магазины Бернштейна, Эршке и других). Погрому подверглись также квартира председателя Совета рабочих депутатов А. Ноздрина и дом, принадлежавший отцу известного и популярного тогда уже тов. Андрея Сергеевича Бубнова («Химика»). Убитых за время погрома кроме «Отца» (Ф. Афанасьева), Красильникова и Генкиной, о которой будет речь впереди, среди видных с.-д. больше не было; но избитых было немало как среди с.-д., так и среди остальных жителей города.

После того как погромная волна стала сильно спадать, на станции жел. дор. была убита молодая партийная работница Генкина. Это была преданнейшая партии работница-профессионалка, интеллигентка. Со всем еще молодая девушка (кажется, ей не было и двадцати лет), при-

ехала она в Иваново-Вознесенск из Нижнего-Новгорода с важным партийным поручением. Привезла с собой некоторое количество револьверов. По прибытии на станцию «Иваново» была выслежена шпиками и жандармами, натравившими на нее толпу погромщиков. Эти негодяи Генкину зверски убили, — Генкину, которая всего несколько дней до поездки в Иваново-Вознесенск была освобождена из Нижегородской тюрьмы.

Спустя несколько дней после этого печального факта, с товарищем Григорием (Мандельштамом) произошла следующая история. Арестованный властями, он, под конвоем казаков, был выведен на базарную площадь; его долгое время водили по мясным рядам (мимо мясных лавок) с криками: «Вот, мясники, смотрите: это руководитель забастовщиков, революционер, не признающий царя, призывающий к беспорядкам рабочих!» Мясники были в большом количестве ярые погромщики и черносотенцы; поэтому очевидно, что казаки рассчитывали, что Григорий будет убит, и провоцировали мясников на это убийство. Но эта провокация успеха не имела; мясники, после большой «работы» в первые дни погрома, в которой они играли одну из активнейших ролей, видимо уже в достаточной степени «отвели душу» и, может быть, поэтому, несмотря на все старания охранников, на новое преступление не пошли.

Около этого же времени с тов. А. Бубиновым («Химиком») и М. Фрунзе («Трифоныч-Арсений») произошло следующее. Названные товарищи отправились в лес на конспиративное собрание. Проходя через Витовский бор, близ фабрики Витовых, были задержаны отрядом казаков. При обыске у них было найдено оружие, и это привело казаков в неописуемую ярость. Они тут же начали их избивать нагайками, а потом привязали к седлам и всю дорогу до тюрьмы заставили бежать за лошадьми, а, кроме того, еще били и всячески издевались над ними за время этого пути. Когда привели их в тюрьму, там избili еще сильнее, и только после этого — уже в конце измученных, израненных и окровавленных — заперли в камеру.

Придя на фабрику на другой день по прибытии из деревни, мы с товарищем Колесниковым явились к директору фабрики инженеру-технологу Н. И. Волохову. Поздоровались. Я сказал, что мы пришли сообщить ему о своей явке на работу. Окинув нас пренебрежительным взглядом и не отвечая на наше «здравствуйте», он сказал, что мы должны были явиться во-время, а теперь он принять нас не может. На мои слова, что он должен знать, почему мы не могли явиться раньше, он ответил, что

ему нет никакого дела до причин, по которым мы во-время не могли явиться. — Вы обязаны были явиться, остальное меня не касается, — громко сказал он. Это меня вывело из равновесия. Начиная терять «приличный тон», я задал ему такой вопрос: — А скажите, пожалуйста, Николай Иванович, почему вы во время стачки такого-то числа, когда озлобление бастующих было особенно велико, почему вы тогда внезапно куда-то исчезли, и мы, депутаты, желавшие говорить с вами от имени бастующих, никак вас не могли найти; появились же вы только тогда, когда прошла острая полоса озлобленности рабочих. — Этот мой вопрос возымел магическое действие. Директор быстро вскочил с места, замахал руками и закричал: — А, ну, ладно, будет! довольно! Ступайте на свои места и принимайтесь за работу! — После этого мы пошли каждый в свое отделение.

На фабрику я пришел как раз в то время, когда подымавшаяся на небывалую высоту и захлестнувшая город волна погромного настроения уже отхлынула обратно. Настроение рабочих, сильно упавшее было в дни погрома, снова поднялось. Поэтому появление мое встречено было рабочими с удовлетворением. Многие из них открыто и громко высказывали свою радость, видя меня целым и невредимым. Приблизительно одновременно со мною и Колесниковым, на фабрику возвратились и другие товарищи: А. Тарасов и многие другие. Это обстоятельство сильно ободрило рабочих, упавших было духом при исчезновении вождей.

Погромщики на фабрике, за время моего отсутствия, проявили себя в том, что кое-кого побили и одного рабочего в новом — ткацком — корпусе даже сбросили со второго этажа лестницы; но, к счастью, он отделался лишь небольшими ушибами. Других жертв не было, так как вся, наиболее известная, партийная публика успела своевременно убраться.

Таковы те события, которые произошли в октябрьские дни в Иваново-Вознесенске, — в темные дни черносотенной реакции, когда царское самодержавие, видя как растут силы революции, в целях своего спасения, собрало все силы и организовало всероссийский черносотенный погром.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Совет рабочих депутатов города Иваново-Вознесенска, май—июнь—июль 1905 г. (Снимок первый) 45

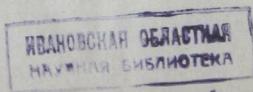
На снимке изображены: Шорина, Александра (ткачиха фабрики Зубкова, умерла). Н. Найденов. „Семен“ (кличка, член боевой дружины). „Лиса“ (кличка). Соколов (слесарь, работает и сейчас по своей специальности в Иваново-Вознесенске). Е. Лаврентьев, (кличка „Кореец“, работает, кажется, там же). К. Кирякина (кличка „Мышка“). В. Бардов (умер). И. Никитина-Иванова (работает в Москве на одной из ткацких фабрик). М. Голубева (работает в Иваново-Вознесенске на одной из ткацких фабрик). „Марта“ (кличка, работает в Костроме в советском учреждении). Н. Грачев (секретарь Совета, умер). Парский, Н. С. (умер). В. Засулич (кличка, умерла). Фролов (литейщик, умер). „Станко“ (кличка). И. Уткин (умер в тюрьме 1908 г.). „Преподобный“ (кличка). „Старик“ (кличка) Спорышев. „Григорук“ (кличка). П. И. Румянцев (работает в Иваново-Вознесенске в сов. учреждении). Сикавин (фабрика Гандурина). „Огонек“ (кличка). Фролов, Яков (работает в Иваново-Вознесенске). И. Грачев (провокактор). Соловьев (работает в Иваново-Вознесенске). „Терентий“ (не депутат, партийный интеллигент, кличка). Д. Казанский, И. И. Гречин. Н. Ананьев (работает в Москве на ответственной работе по производству. „Рядовой“ (не депутат, кличка партийного интеллигента). „Кифа-Мокеич“ (не депутат, корреспондент газеты „Северный Край“). Базашовы, С. и Л. (работают в Москве). Ф. Пестряков (умер) Ф. Самойлов (кличка „Архивич“, автор книжки). Н. Жиделев (работает в Москве на ответственной советской работе). П. Веселов (кличка). Сохатый (умер). И. Селянин (работает в Иваново-Вознесенске по производству). Е. Ноздрин (председатель совета, работает в редакции газеты „Рабочий Край“ в Иваново-Вознесенске). Е. Дунаев (известный руководитель стачки, умер). Вадин (слесарь с фабрики „Компания“, умер). А. Тарасов (работает в Иваново-Вознесенске на ответств. сов. работе). М. Икряннистова (кличка „Труба“, работает в Москве). И. Радостин (кличка „Момах“). Волков. Уткин. В. Морозов (кличка „Ермак“, слесарь, убит в Москве в окт. дни и похоронен на Красной площ.). И. Кривоногов. С. Самодуров. Н. Диданов. Е. Ошурков (умер). С. Икряннистов (кличка „Тезка“, покончил самоубийством в 1911 г. и впоследствии оказался провокатором). А. Сквородин (кличка „Быстрый“, также оказавшийся впоследствии провокатором). К. М. Макаров (работает в Иваново-Вознесенске на советской работе). П. Крупитчикова. Маурин. В. и А. Лепидовы. М. Разумова. Косяков (убит) и другие.

Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов, май—июнь 1905 года. (Снимок второй) 51

Митинг иваново-вознесенских рабочих на Талке. (Снимок третий) 53

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие. О. А. Варенцова	3
Вместо предисловия. Ф. И. Самойлов	7
1. Из моей биографии	9
2. Первое знакомство с партийными работниками	15
3. Война	32
4. Летняя стачка 1905 года	39
5. Аресты	69
6. Перед октябрём 1905 года	72
7. Октябрьские события 1905 года	76
Иллюстрации	91

КРЕВОВАЯ

Государственное Издательство

Москва

ИСТОРИЯ Р. С.-Д. Р. П.—Р. К. П.

- Двадцать лет рабочей организации. Города: Муром, Кулебаки, Выкса. Сборник статей. Ц. 2 р. 25 к.
- Декабрь на Красной Пресне. Под ред. В. Невского. Ц. 2 р.
- Зелинсон-Бобровская, Ц. Большевицские тайные типографии в Москве и Московской области. Ц. 50 к.
- Ее же. Записки рядового подпольщика. Ч. II. Ц. 35 к.
- Зиновьев, Г. История Р. К. П. (попул. очерк). Ц. 75 к.
- Каменев, Л. Большевики в первой русской революции. Ц. 25 к.
- К двадцатипятилетию первого съезда партии. Ц. 1 р. 10 к.
- Лепешинский, П. На повороте (от конца 80-х годов к 1905 г.). Ц. 70 к.
- Новский, В. Южно-русский рабочий союз в г. Николаеве 1897 г. С приложением письма Л. Троцкого. Ц. 25 к.
- Ольминский, М. Из прошлого. Происхождение жандармерии (Заря революции и др.). Ц. 25 к.
- Революция и Р. К. П. (б.) в материалах и документах (хрестоматия). Т. I. Составил И. С. Антокольский. Под ред. Батурина. Ц. 3 р. 50 к. Т. II. 1901—1904 г.г. Составил И. В. Волковичер. Под ред. П. Н. Лепешинского. Ц. 3 р. 50 к. Т. V. Эпоха реакции 1907—11 г.г. Составила К. А. Остроухова. Ц. 3 р. 25 к.
- Троцкий, Л. Война и революция. Т. I. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Ц. 3 р.

О ЛЕНИНЕ

- Зиновьев, Г. Владимир Ильич Ленин. Очерк жизни и деятельности. С портретом Ленина. Ц. 10 к.
- Зиновьев, Г. На смерть Ленина. Ц. 15 к.
- Крайний, В. и Беспалов, М. Ленин. Под ред. Д. Лебеда. Ц. без перепл. 1 р. 60 к., в переплете—2 р. 25 к.
- Невский, В. Владимир Ильич Ленин (Ульянов). С портретом Ленина. Ц. 10 к.
- „Пролетарская Революция“ № 3 (целиком посвящен Ленину). Ц. 1 р. 50 к.
- Троцкий, Л. Д. Ленин и старая „Искра“. Ц. 15 к.
- Ходоровский, И. Ленин, В. И. (1870—1924). Популярный очерк для рабочих и крестьян. С портретом Ленина. Ц. 10 к.
- Ярославский, Ем. Жизнь и работа В. И. Ленина. С портретом и 5 фот. снимками. Ц. 1 р. 30 к.

БИБЛИОТЕКА МАТЕРИАЛИЗМА

- Людвиг Фейербах. Сочинения. Т. I. Избранные философские произведения. Вступительный очерк А. М. Деборина. Стр. 336. Ц. 90 к.
- А. Деборин. Людвиг Фейербах. Жизнь и деятельность. Изд. „Материалист“.
- В. Ваганян. Опыт библиографии Г. Ф. Плеханова с предислов. Д. Рязанова. Стр. 118. Ц. 40 к.
- Д. Рязанов. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ВЦИК. Изд. „Московский Рабочий“. Стр. 63.

Цена 60 коп.

7

1р

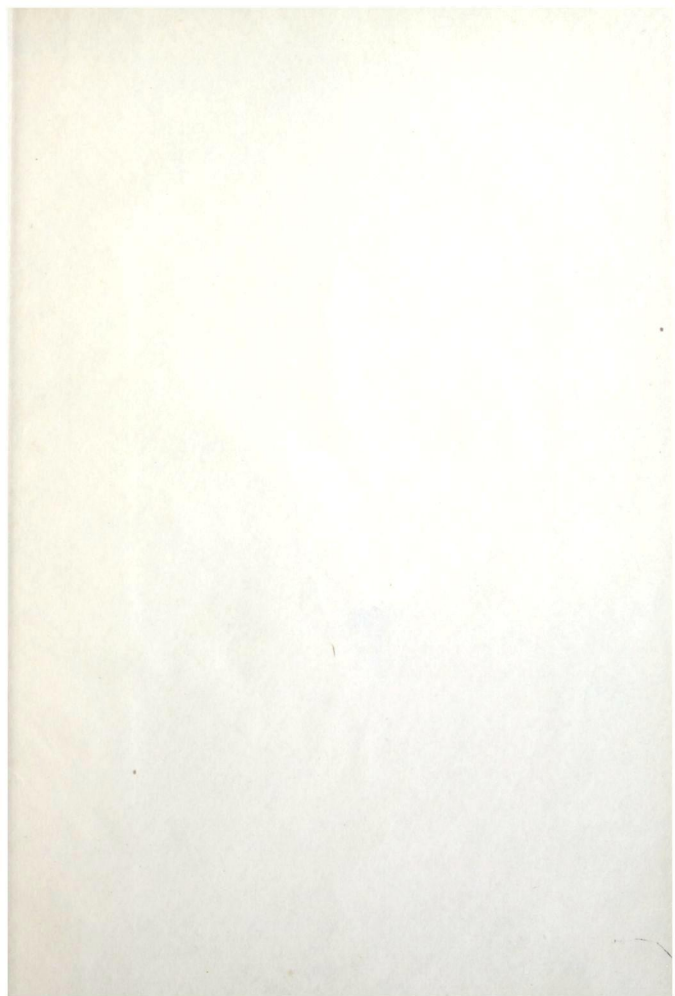

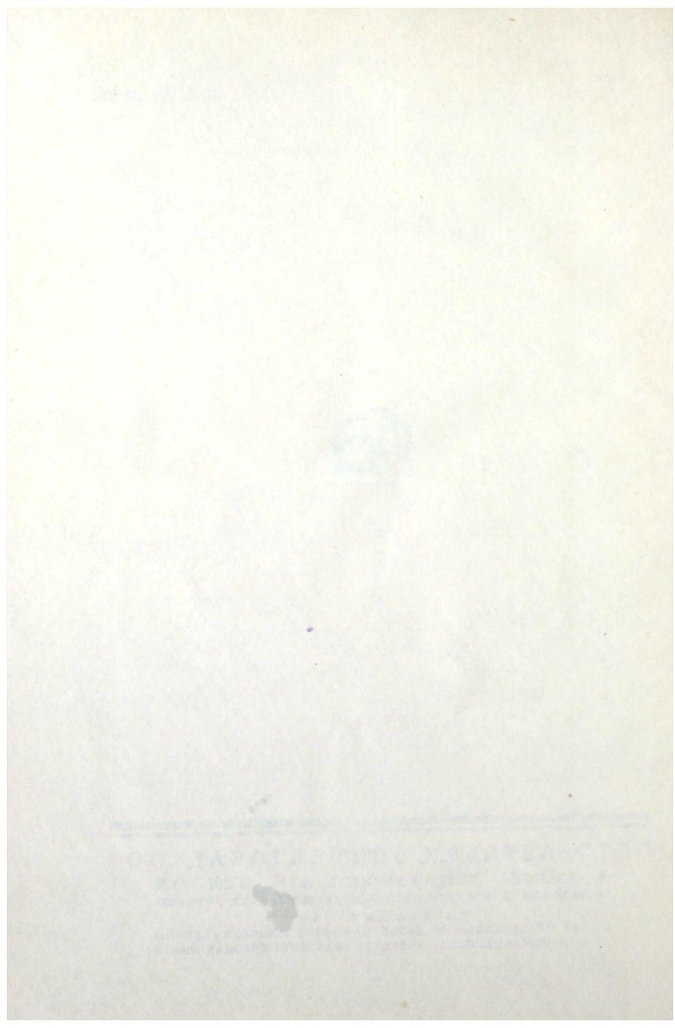
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА, Рождественка, угол Софийки, 4
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО, ЛЕНИНГРАД, МОХОВАЯ, 36

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР:

МОСКВА, ИЛЬИНКА, БИРЖЕВАЯ ПЛОЩ., БОГОЯВЛЕНСКИЙ ПЕР., 4
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ПРЕДСТАВ.: ЛЕНИНГРАД, ПР. ВОЛОДАРСКОГО, 51-

7

